

Э. Эггер
Анатолий Александрович Бахтиаров
История книги от ее появления до наших
дней. История книги на Руси (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5397509

*Э. Эггер. История книги от её появления до наших дней. А. Бахтиаров. История книги на Руси.:
Удовикова Ж. А.; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-905668-01-2*

Аннотация

Эта книга – о книге. Человечество всегда хотело поделиться с потомками своими мыслями, оставить след в истории. Французский писатель Эггер рассказывает о возникновении письменности и развитии способов фиксирования информации. Текст восстановлен по изданию Ф. Павленкова 1890 г.

«История книги на Руси» – один из первых трудов общей истории книжного дела в России. Автор рассказывает о технике производства книги, о роли книг в различные периоды истории Отечества, акцентирует внимание на развитии книжного дела в нашей стране. Труд содержит множество данных о рукописных книгах, первых русских печатных изданиях, количестве библиотек и типографий и т. д. Текст восстановлен по изданию М. Хана 1882 г.

Тексты приведены в соответствие с нормами современного русского языка, проведены корректорская, редакторская правки с максимальным сохранением авторского стиля.

Содержание

История книги от её появления до наших дней. (сочинение Э. Эггера)	4
От первого издателя	4
От второго издателя	5
Часть первая	6
Глава I. Происхождение книги	6
Глава II. Книга папирусная и пергаментная	10
Глава III. Книга у греков и римлян	14
Глава IV. Книга у греков и римлян	18
Глава V. Различные судьбы древних книг	21
Глава VI. Книги в первые христианские века	24
Глава VII. Книги в средние века	28
Глава VIII. Книги в средние века	31
Глава IX. Книги в средние века	35
Часть вторая	39
Глава I. Первое время книгопечатания	39
Глава II. Успехи и различные судьбы книгопечатания	42
Глава III. Книги анонимные и псевдонимы	46
Глава IV. Распространение торговли книгами	49
Глава V. Новые успехи книгопечатания и книжной торговли	50
Глава VI. Последние успехи книгопечатания и книжной торговли	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Э. Эггер. История книги от её появления до наших дней А. Бахтиаров. История книги на Руси

**История книги от её появления до
наших дней. (сочинение Э. Эггера)**

От первого издателя

Предлагаемое в переводе произведение французского автора не представляет собою учёного исследования об истории последовательного развития книжного дела во всех его подробностях; это не более как написанный в общих чертах очерк появления на свет книги и её последующего совершенствования и умножения, имеющий целью удовлетворение естественной любознательности обыкновенного читателя и юношества. В глазах русского читателя эта книга должна иметь тот, конечно, извинительный для француза, недостаток, что в ней не говорится о развитии книжного дела у нас, в России. Чтобы восполнить этот недостаток, издатель предполагает со временем издать «Историю книги на Руси».

От второго издателя

Во исполнение желания первого издателя, в этот том включено сочинение А. Бахтиарова «История книги на Руси».

Часть первая

Глава I. Происхождение книги

Происхождение письменности. – Египетские иероглифы. – Финикийская азбука. – Ассирийские клинообразные буквы. – Письменность на памятниках. – Надписи на металлах и других твёрдых веществах. – Египетский папирус. – Его влияние на развитие и распространение идей. – Пергамент. – Книга получает удобную для переноски форму.

Когда появился на свет предмет, общеизвестный ныне под названием книги и производящий повсюду столько шума? На такой вопрос нелегко дать ответ. Раз в какую-то библиотеку приходит почтенный читатель и, обращаясь к библиотекарю, говорит:

– Милостивый государь! Я желал бы получить самую древнейшую книгу, какая только существует.

– Что вы подразумеваете под вашими словами? Самую ли древнюю печатную книгу, или самую древнюю рукописную книгу?

– Да я и не знаю, пожалуй, я желал бы видеть самую древнюю существующую книгу, самую древнюю написанную.

Тогда у библиотекаря является прежде всего мысль о Библии, в самом деле представляющей самый древний клад мудрости и человеческой истории; однако же, чтобы добраться до происхождения книги, необходимо обратиться в глубь веков гораздо раньше этой священной книги, в которой делаются ссылки на другие, ещё более древние, не дошедшие до нас писания. Итак, попробуем же уйти вглубь веков и, если будет возможно, разыщем, когда и как была написана первая книга.

Один старый учёный написал большое, ныне справедливо забытое, исследование о библиотеках до потопа «De Bibliothecis antediluvianis». Если до потопа и были библиотеки, то от них, разумеется, не осталось никакого следа, и приходится поневоле отказаться от мысли узнать, что за книги были в этих библиотеках. Более чем вероятно, что допотопные люди не умели писать, а, следовательно, и бесполезно исследовать, в какой форме они могли записать предания о первобытном мире.

Но прежде чем говорить с вами о книгах, и вообще о веществах, на которых человек письменно выражал свои мысли и свои воспоминания, следовало бы, может быть, сказать несколько слов о письменных знаках и об их происхождении у различных народов. Между тем этому предмету пришлось бы уделить очень много места, потому что известно весьма много систем письменности: свои особые системы письменности существовали в Египте, в Греции, Ассирии, Индии и Китае, в Америке и, не выходя из Европы, в Испании, в Италии, в странах скандинавских и в землях славянских. У нас письменные знаки позаимствованы от греков, которые, в свою очередь, позаимствовали их у финикийцев, а последние взяли их из Египта. Честь изобретения искусства письма приписывали некоему Кадму. Между тем этот мнимый изобретатель Кадм избрал только из весьма значительного числа очень сложных знаков, употреблявшихся египтянами, очень небольшое число знаков, необходимых для выражения звуков его родного языка. Потребовалось бы очень много страниц для того, чтобы рассказать вам, как финикийцы, народ торговый и мореходный, занесли в Грецию и затем распространили по всем берегам Средиземного моря ту азбуку, которая носит их имя и которая встречается повсюду на камнях гробниц, на памятниках искусства, на монетах, начиная со дна Чёрного моря и до западных берегов Средиземного моря. Путешествие нелегкое, исполненное трудностей для молодых голов.

Письменные знаки можно употреблять на различных веществах: их вырезают на камнях или на металле; вычерчивают ножом на древесных листьях, на навощённых деревянных дощечках; выводят их на глиняных пластинках, которые затем обжигаются в печах и в таком виде могут переживать целые столетия, не подвергаясь ни малейшей перемене; выводят их заостренной палкой или остриём обмакнутого в чернила пера на бумаге, которую можно приготовить из многих веществ. За четыре тысячи лет до нашей эры египтяне уже вырезали целые религиозные или исторические легенды, иногда очень длинные, на стенах своих гробов, пирамид, храмов и дворцов; эти письмена уже не простые монументные надписи, потому что иной раз они могли бы занять, пожалуй, целую сотню страниц нынешней книги. Подобные надписи, похожие не по форме отдельных букв, а по содержанию и длине, открыты на развалинах Персеполиса и Ниневии. Недавно произведённые раскопки в Ассирии доставили нам несколько договоров, заключённых между частными лицами и писанных на глиняных пластинках и свёртках, и даже целые страницы настоящих ассирийских азбук или первоначальных учебников языка, на котором говорили в той стране.

На развалинах древнего Вавилона попадаются даже кирпичи с выдавленными на них оттисками целого ряда знаков, которые первоначально были вырезаны рельефно на деревянной дощечке. Это заставляет уже думать о приёмах, которые впоследствии привели к изобретению типографии.

Однако подобный способ писания исторических, религиозных или грамматических рассуждений не даёт ещё понятия о книге – предмете, всегда представляющемся вам целой коллекцией листков, более или менее прочно соединённых между собой брошюровщиком или переплётчиком, более или менее удобных для передачи из рук в руки, для переноски с одного места на другое.

Иной раз текст вырезался резцом или каким-либо остриём на металлических пластинках, довольно тонких, а потому и не очень тяжелых, и таким образом текст делался сравнительно удобным для переноски: например, один греческий путешественник, во втором веке христианской эры, видел в одном беотийском храме собрание изречений в стихах древнего поэта Гесиода, вырезанных на длинных свинцовых листах. Официальные акты у древних народов в Египте, Ассирии, Греции и Италии, нередко вырезались на каменных или бронзовых пластинках; такую именно форму имеют самые древние архивы общего и частного права, международного права и того, что ныне называется дипломатией; и эти архивы, разумеется, не хранились, подобно нашим, на полках библиотеки или в картонках; документы размещались вдоль стен, иногда прибивались к ним гвоздями. Таковы были формулы почётных отпусков (*honestae missiones*), которые выдавались военными властями римским солдатам после многих лет хорошей службы; таких формул до нас дошло до пятидесяти штук. А иногда, если бронзовая пластинка была исписана с обеих сторон, её подвешивали на маленьких цепочках, так, чтобы посетители могли прочитать написанное последовательно на обеих сторонах. Некоторые вещи, написанные на бронзе и доныне сохранившиеся, имеют длину, поражающую нас и кажущуюся нам не совсем удобной; в лионском музее, во Франции, можно видеть бронзовую доску, которая занимает почти всю стену входной залы и представляет нам лучшую часть речи римского императора Клавдия о гражданах, избранных в лионской колонии для присутствия в римском сенате; есть и ещё более длинные документы, написанные на том же металле; в музее города Парма хранится предлинный договор об аренде, который бы занял у нас не менее двадцати страниц *in-folio*, т. е. в целый лист; этим договором обеспечивалось существование нескольких молодых сирот. Это самый древний документ, свидетельствующий о существовании и у язычников благотворительности и помощи, которую христианская религия вскоре после того так быстро распространила по всему миру.

Однако же этим архивным документам, как они ни драгоценны сами по себе, нельзя ещё было придать форму книги. Для этого требовались более удобные вещества, которые бы придали письменным документам удобный для переноски вид. Индийцы, – трудно сказать, с какого именно времени, – начали употреблять для этой цели листья различных растений, и между прочим пальмовые листья. Надлежащим образом высушенные и отполированные, эти листья могли принимать письменные знаки, начерченные или остриём ножа, или пером. Несколько листьев, приготовленных таким образом и затем обрезанных в одинаковый формат, соединяли с помощью нитки, которую продевали через их концы. Самое лучшее представление об этом собрании листьев могут дать вам листья жалюзи, которые мы употребляем на окнах для защиты от солнца. Обрез таких пластинок мог быть окрашиваем в какой-либо цвет или даже позолочён. На этот раз мы уже очень близки к нашей книге с раскрашенным или золотым обрезом. Но не таково было начало книжной торговли в западном мире. Истинными предками наших книгопродавцев были египтяне, а после них греки.

Жители Нильской долины очень рано изобрели искусство употреблять туземное растение папирус для приготовления предмета, который уже можно назвать бумагой; об этом свидетельствуют стволы папируса, найденные в египетских гробницах и теперь сохраняемые в Берлине в коллекции Пассалакквы. Как интересно было бы знать первых виновников этой фабрикации! К сожалению, до нас не дошло ни одного из различных трудов, написанных древними об изобретениях. Лишь в первом веке христианской эры мы находим несколько страниц о приготовлении и торговле папирусом у Плиния, автора энциклопедии, известной под именем «Естественной истории». Из этих страниц мы извлекаем наиболее интересную часть для нашего предмета; вам покажется, что это извлечение нередко не отличается точностью, ясностью; но вина за эту неясность падает на латинского компилятора или на тех лиц, которых он заставлял работать под своим руководством, но не наблюдал за их работой.

«Папирус рождается в болотах Египта или в стоячих водах Нила, когда они, разлившись, остаются в застое в ямах, глубина которых не превосходит двух локтей. Корневище кривое, толщиной в руку; стебель трёхгранный и, имея в вышину не более четырёх локтей, идёт, постепенно уменьшаясь к концу...»

«Бумагу готовят, разделяя папирус иглой на очень тонкие, но, по возможности, широкие листочки. Самый лучший листочек – это листочек из внутренности стебля, и так далее по порядку деления. Бумагу, приготовленную из внутренних листочков, называли некогда священной, потому что она употреблялась на священные книги. Лесть дала ей имя Августа, точно так же, как бумага второго качества получила имя Ливии, его жены. Таким образом, священная бумага сделалась уже бумагой третьего качества. Четвёртому сорту дано было название амфитеатровой, по месту приготовления. Искусный фабрикант Фанниус забрал в свои руки приготовление этой бумаги; тщательно выделявая её по новому способу, он сделал её тонкой, из простой бумаги превратил её в бумагу первого качества и дал ей своё имя. Бумага, приготовленная не по этому способу, сохранила название амфитеатровой, какое она носила и прежде. Затем идёт сайтская бумага, названная так по городу Саису, в котором её выделялось очень много; выделяют её из обрезков низкого качества. Тенетская бумага, названная так по соседнему с Саисом местечку, выделяется из листочков, более близких к верхней коже; она продается уже не по качеству, а на вес. Что же касается до эмпоретической бумаги, то её уже нельзя употреблять для письма; её употребляют только для обёртки других сортов бумаги и для упаковки товаров; от этого она и получила своё название (бумага торговцев). Все сорта готовят на столе, смоченном нильской водой; мутная жидкость служит вместо клея. Сначала на поставленном наклонно столе склеиваются листочки во всю длину папируса; только обрезают их на каждом конце; затем поперёк кладут другие полосы, и таким образом получается переплетённая ткань. Затем подвергают их давлению; таким образом получается лист, который просушивают на солнце. При укладке

сначала кладут самые лучшие листья, и так далее, до самых худых. Связка этих листьев составляет *scapus* (десть), в которой их никогда не бывает больше двадцати штук».

«Ширина бывает очень разнообразна: самые лучшие сорта имеют тринадцать пальцев ширины; священная бумага имеет двумя пальцами меньше в ширину; бумага Фанниуса – десять пальцев, а амфитеатровая – десять. Саитская бумага ещё уже, а эмпоретическая имеет более шести пальцев». В бумаге ценят ещё тонкость, плотность, белизну, глянцеви́тость. Император Клавдий изменил первое качество: бумага Августа была слишком тонка и не выдерживала давления пера; кроме того, она пропускала буквы насквозь, так что, когда писали на обороте, немудрено было смарать написанное на лицевой стороне; во всяком случае, прозрачность её была неприятна для глаза. Поэтому основу бумаги делали из полосок второго качества, а уток (уток – система нитей, которые в ткани располагаются поперёк длины куска, проходя от одной кромки к другой) из полосок первого качества. Клавдий увеличил также ширину: размер был один фут для обыкновенной бумаги, локоть для большого формата бумаги, но практика указала на одно неудобство: одна полоска, отделившись, портила несколько страниц. Это заставило предпочитать бумагу Клавдия всем другим; но для письменных сношений слава осталась за бумагой Августа. Бумага Ливии, не содержащая в себе ничего первого качества, а всё второго, осталась на своём прежнем месте.

«Неровности бумаги сглаживаются зубом или раковиной, но буквы могут стираться; будучи вылощена, бумага делается более блестящей, но не совсем хорошо принимает чернила».

«Обыкновенный клей готовится из самой лучшей муки, кипячёной воды и нескольких капель уксуса; столярный клей и камедь делают бумагу ломкой. Лучший же способ следующий: вскипятить в воде нарезанный кусочками хлебный мякиш и процедить его; таким именно способом можно всего менее наложить полосок сухими, и бумага делается даже мягче полотна. Клей не должен быть ни старше, ни моложе одного дня. Затем разбивают бумагу колотушкой, кладут новый слой клея; разглаживают образовавшиеся складки и снова разбивают колотушкой».

Пользуясь этими несовершенными, нередко слишком тёмными сведениями, новейшие учёные пробовали не без успеха готовить бумагу по египетскому способу. Одному из них удалось даже, следуя указаниям Плиния, приготовить из стволов папируса, и ныне растущего ещё в диком состоянии на острове Сицилии, несколько листов *charta papyrusae*, похожих на листья, найденные на развалинах в Египте.

На веществе папируса, которому придана форма длинных полос, уписывались целые страницы вертикальными столбцами, причём в каждом из них помещалось почти одинаковое число строк и страницы располагались одна параллельно другой; или же, наоборот, строки писались по наиболее узкому направлению полосы или ленты, так, что получался только один столбец от одного конца свёртка до другого. Само собой разумеется, эти полосы не оставались развёрнутыми, хотя бы они и не были длинны: их сворачивали в свёртки. А чтобы довольно хрупкое вещество папируса не ломалось, их обыкновенно накручивали на деревянный цилиндрический стержень, у которого на конце была пуговка. К этой пуговке можно было прикреплять билетик, на котором надписывалось название сочинения. Подобные свёртки были удобны для переноски, удобны для хранения. Когда их нужно было переносить и когда их было небольшое число, свертки ставили вертикально в цилиндрический ящик, очень похожий на ящики, в которых наши парфюмеры сохраняют длинные флаконы с эссенциями. При хранении свёртков в этих ящиках, которые можно назвать библиотеками, их укладывали боком на полках, так, чтобы пуговка, к которой привешивали заголовок сочинения, торчала наружу. Всё это, как видит читатель, должно было придавать египетской библиотеке вид одного из наших магазинов обоев, в которых свёртки укладываются подобным

же образом в различных клетках шкафа, смотря по их цвету или цене. Точно таким же образом укладываются нередко географические карты, как в библиотеках, так и в магазинах.

Нельзя оставить без внимания и замычку свёртка: самой древней замычкой был, кажется, шнурок, который обёртывали вокруг свёртка и оба конца завязывали петлей. Маленький свёрточек, подобным образом замкнутый, попадает в числе знаков египетской письменности на очень древних памятниках. Несколько штук подобных папирусных свёртков было найдено в гробницах, и теперь их можно видеть развешанными на стенах, или в витринах некоторых музеев.

О таком же обыкновении свидетельствует нам и прекрасное открытие, сделанное в прошлом столетии на развалинах греческого города Геркуланума, разрушенного извержением Везувия в 79 году христианской эры: там в одной комнате, вероятно, бывшей библиотекой какого-нибудь философа-эпикурейца, нашли целые сотни свёртков, к сожалению, обуглившись; однако же, некоторые из них можно было отчасти развернуть и разобрать греческую надпись нескольких философских сочинений.

Лишь только приготовление папируса сделалось обычным промыслом в Египте, поэзия, религия и все науки получили удобное, недорогое и, как кажется, очень хорошо приспособленное средство для быстрого распространения вне пределов Египта всего того, что знал и думал этот народ изобретательных земледельцев, рабочих, искусных артистов, врачей, геометров, поэтов. Но подивитесь же разнице, существующей между гением различных народов: египтяне были китайцами классической древности; подобно китайцам, они питали отвращение, если не ненависть, к другим народам. Некоторые из их царей любили завоевания, и армии их проникали очень далеко вглубь Азии и на юг Африки. Но подобного рода мирные завоевания, которые мы называем прогрессом цивилизации, распространением благотворных изобретений и полезных промыслов, египтяне искали только для самих себя и упорно отказывались поделиться ими с соседними народами. С трудом верится, – между тем это почти вполне доказано, – что египетская бумага проникла в Грецию только около VII века до христианской эры и ни в каком случае не ранее. Египтяне сохраняли за собой если не секрет, то привилегию приготовления бумаги и распространения её среди народов Средиземного моря, для большей выгоды своих купцов.

Однако же эта монополия, принадлежавшая Египту благодаря тому, что он почти один только производил в изобилии папирус, не замедлила вызвать конкуренцию. В Малой Азии, около III века до христианской эры, промышленники города Пергама усовершенствовали способ употребления кожи животных для письма; пергамская бумага (*charta Pergamena*) начала соперничать с папирусом и, во всяком случае, послужила полезным дополнением к египетской бумаге в виде сплошных свёртков, или, благодаря своей большей прочности, в виде крышки для свёртков из папируса. В этой *charta Pergamena* вы без труда узнаете предмет, который мы называем ныне пергаментом.

Глава II. Книга папирусная и пергаментная

Воспроизведение и умножение книг переписчиками. – Библиотеки александрийская и пергамская. – Книга, рассматриваемая как литый труд писателя или как выражение верований и национальной жизни народа. – Книга государственная. – Книга синяя, Книга жёлтая и т. д.

В числе разных народов, среди которых торговля распространила египетское изобретение, был один, у которого новый товар произвёл изумительное действие. Лёгкая возможность писать и распространять написанное на веществе, подобном папирусу, сообщила у греков сильный толчок человеческой мысли. Число книг всякого рода значительно увеличи-

лось; частные лица собирали их целые коллекции, учителя школ запасались ими для того, чтобы обучать языку Гомера; рассказывают даже, что однажды Алкивиад (это было в V веке до нашей эры) прибил одного учителя школы, у которого не было экземпляра «Илиады». Большие города также устроили свои библиотеки, в которых количество томов скоро стало считаться тысячами. Тогдашние тома, без сомнения, содержали в себе материала меньше нынешних. Мы видим это по нескольким редким экземплярам, найденным в некрополях Египта, и особенно по свёрткам Геркуланума.

Один недавно открытый документ говорит нам, что, по повелению Птолемея Филadelphфа, два поэта, бывшие в то же время и учёными, снимали точные копии, один трагедий, а другой – комедий, собранных в громадной библиотеке или, скорее, в двух библиотеках, основанных в то время этим царём, другом литературы и науки. По тому же свидетельству, число томов в первой библиотеке простиралось до 42 800, а во второй – до 490 000. Такое большое число не включает в себе ничего невероятного, потому что мы можем утвердительно сказать, что в то время существовало уже более 550 трагедий и более 1500 комедий. Позднее другой поэт-грамматик, Каллимах, составил каталог всех этих книг, о котором мы будем говорить дальше. Птолемей старался собирать не только греческие произведения, но и произведения, писанные на различных иностранных языках, которые он приказывал переводить. Всё это даёт нам понятие об изумительной литературной и учёной плодовитости.

Эти богатые собрания книг, нередко уменьшавшиеся вследствие несчастных случаев: пожаров или землетрясений, постоянно возобновлялись и увеличивались благодаря деятельности многочисленных школ учёных и благодаря менее бескорыстной деятельности переписчиков и книгопродавцев. В то время нередко раздавались жалобы на небрежно написанные копии и на соревнование книгопродавцев, слишком усердствовавших распространять их.

Это побуждает меня сказать несколько слов о способах воспроизведения книг сотнями и тысячами экземпляров.

Раз написанная автором, книга переходила в руки переписчиков; но так как за одним оригиналом невозможно было работать разом в несколько рук, то книги распространялись бы очень медленно, если бы не стали диктовать этот оригинальный текст нескольким переписчикам, собравшимся в один кружок. Вообразите себе, что несколько сотен писцов пишут разом под диктовку; тогда они в течение нескольких дней воспроизведут одно и то же сочинение в сотнях экземпляров. Разумеется, таким только образом римляне могли уже издавать листок ежедневных объявлений, который из Рима расходился до отдалённых границ империи и распространял там военные новости, городские анекдоты, в сокращённом виде прения народа или римского сената. По всей вероятности, римская газета «*Acta diurna populi Romani*» ни редактировалась, ни переписывалась с особенной тщательностью, да это и не особенно требовалось от рукописного листка, служившего лишь материалом для истории. Но произведения литературы, в особенности образцовые, подвергались большой опасности при таком быстром воспроизведении. Цицерон раз писал одному из своих друзей: «Я не знаю, что и делать с латинскими книгами, до того они выходят искажёнными из рук переписчиков и книгопродавцев». Около того же времени Страбон высказывает такие же жалобы греческих книгопродавцев в Александрии; но зло пошло ещё гораздо дальше: со времён Демосфена трагедии Эсхила, Софокла и Эврипида были до крайности искажены вследствие неточности копий, нескромности актёров, позволявших себе слишком свободно переделывать их в угоду зрителям, так что пришлось подумать о приискании средства против зла. Один великий правитель, вместе с тем и большой любитель литературы, оратор Ликург, приказал тщательно сверить варианты наиболее древних из этих драм, после чего велел написать один образцовый экземпляр, который и был положен в Акрополь или цитадель Афин; с тех пор с этого образцового экземпляра должны были списываться все копии для

публичных представлений драм этих трёх великих писателей. Много веков уже прошло с тех пор, как утрачен этот драгоценный экземпляр! Он недолго пролежал в афинских архивах. Один царь египетский, из дома Птолемеев, желая непременно иметь с него копию для своей богатой александрийской библиотеки, выпросил его у афинян под залог и решился скорее лишиться своего залога, чем возвратить драгоценную рукопись. Оставшиеся нам ныне драматические произведения Греции дошли до нас в копиях, далеко худших знаменитого Ликургова экземпляра, и таков удел почти всех книг, оставшихся нам от греческой или римской древности: иной раз двадцать или тридцать копий отделяют нас от рукописи самого автора. И автор сам нередко предвидел опасности, которым должно было подвергаться его произведение от частых переписок. Главный христианский хронолог, Евсевий, в начале своей «Хроники» обращается, в примечании, с горячей мольбой к своим будущим переписчикам, чтобы они не забывали выставлять каждое число против события, к которому оно относится. Писцы аккуратно переписывали это примечание, но все-таки не всегда точно исполняли своё дело!

Нередко и сам переписчик сознавал свои ошибки, и если этим переписчиком был монах, что почти постоянно случалось в средние века, то он на последнем листе книги обращался к читателю со смиренной просьбой простить ему проскользнувшие ошибки.

Для предупреждения стольких неудобств нередко также прибегали к пересмотру экземпляров и поручали такое дело какому-нибудь грамматiku или издателю по профессии, который брался исправить погрешности, ошибочные наставления, или по крайней мере отмечал на полях более правильные наставления, заимствованные из какой-нибудь древней и более авторитетной рукописи; просматривавший грамматик подписывал свою работу и обыкновенно обозначал даже время её; мы имеем немало примеров таких подписей.

Теперь, когда мы уже так далеко подвинулись вперёд, может быть, пора представить вам несколько соображений о новом значении, которое придаёт слову книга по мере того, как развиваются наука и искусство письма. Поэтому автор просит читателя несколько сосредоточить свои мысли и удвоить своё внимание.

Ряд страниц, помещённых одна подле другой, но не связанных между собой единством содержания, а, следовательно, и мыслей, могут занять собой целый том или даже несколько томов, и всё-таки не составить того, что собственно следует называть книгой. Например, собрание различных стихотворений или нескольких рассказов и анекдотов, если угодно, будут представлять собой книгу, чтение которой очень займёт; хронологический список событий, собрание астрономических или других наблюдений будут интересовать серьёзных читателей и учёных по профессии; но все произведения подобного рода не предполагают у автора таланта задумать и написать совершенно самостоятельный по мысли труд, создание воображения или знания, не предполагают таланта составить план такого труда и выполнить этот план в точности, дав каждой части предмета соответствующие размеры. Это последнее качество, самое высокое качество в произведениях ума, и стоит указать авторов, которые представляют нам первый пример этого. Автор не хочет этим сказать, что можно с полной точностью определить в истории место и время этого первого примера, но ведь хорошо уже и то, если мы можем подкрепить свои мысли несколькими собственными именами, составляющими эпоху в древней литературе. Для краткости ограничимся одним именем, может быть, самым знаменитым и самым великим во всей греческой литературе. Аристотель составлял компиляции фактов, анекдотов, наблюдений, вопросов и т. д.; но это не будут книги в высоком значении этого слова, как стараемся определить его мы. Они имеют свою пользу, но не представляют собой громадного ума, обнимающего различные части науки для того, чтобы изложить их по известному методу. Этот самый Аристотель написал в трёх книгах «Риторику», в которой он методически излагает начала и правила ораторского искусства; он написал «Историю животных» (Руководство к зоологии), в которой распределены по классам,

по сходству органов все известные тогда животные; в которой описаны отправления этих различных органов и объяснены настолько, насколько это позволяло состояние знаний во времена Александра Великого. Вот две книги, две прекрасных книги, которым компетентные судьи удивляются ещё и ныне, несмотря на все успехи, сделанные наукой со времён Александра Македонского. Сюда же можно было бы присоединить и «Политику» того же автора, если бы она дошла до нас в лучшем состоянии.

Так как мы уже начали философствовать по поводу книг, то останемся ещё на некоторое время в этой высокой области. Произведение, в котором основатель какой-нибудь религии изложил своё учение, становится у народа, среди которого оно появилось, священной книгой, книгой по преимуществу. Таков у учеников Магомета Коран, или собрание наставлений, по их глубокому убеждению, продиктованных свыше этому знаменитому пророку. Таков, говорят, у мексиканцев Попол-Вух. Иногда также догматы и предания народа излагаются в целом ряде произведений, собрание которых составляет книгу; таковы в Индии Веды, собрание религиозных песен, текст которых сохранялся в течение шестнадцати столетий до нашей эры и составляет сущность браминской религии. Таковы в Китае книги, отчасти приписываемые Конфуцию, философу и реформатору, жившему в VI веке до Рождества Христова. У евреев более пространный и всем нам известный под названием Ветхого Завета сборник содержит в себе писания, в которых изложены история, законодательство и религия народа Божия. К этим книгам, обыкновенно называемым каноническими, потому что они включены в канон, т. е. в освящённый духовными властями список, у христиан присоединяются четыре евангелия и другие писания, составляющие Новый Завет; оба Завета вместе у греков получили название Библии. Библия представляет собой по преимуществу книгу всех христианских общин.

В таком частном смысле книга служит некоторым образом выражением национальности; она представляет сущность верований великой семьи народов и иногда служит связью, соединяющей чрезвычайно крепко всех её членов.

Две великие эпопеи, вышедшие из-под пера Гомера, «Илиада» и «Одиссея», имеют почти такой же характер в языческой Греции; но если греки и почитали Гомера, как истолкователя их стародавних верований, однако они никогда не делали из него пророка, вдохновлённого богами. Две его поэмы представляли первоначальную историю и самую древнюю географию эллинского мира; собственно говоря, они не выражали догмат, теологию. Две поэмы Гесиода, «Теогония, или Краткая история богов», и «Труды и дни», сборник наставлений в стихах о земледелии, мореплавании, образе жизни, были также весьма почитаемыми памятниками мудрости древних веков; но они не имели авторитета, подобного авторитету Библии.

Сколько значений слова *книга* можно бы ещё привести вам! Но мы ограничимся только двумя или тремя.

Древние уже знали книги воспоминаний (*libri commentarum* или просто *commentarii*), как, например, воспоминания Юлия Цезаря о войне галлов, по своей простоте представляющие образцовое повествование; они знали счётные книги (*libri rationum*), в которые граждане заносил свой приход, а иногда и действия своей повседневной жизни. Имея однажды надобность оправдать пред лицом римского народа свою проконсульскую деятельность в одной провинции, древний оратор и римский генерал, известный в истории под именем Катона Цензора, прочитал страницу из своей счётной книги, страницу, дошедшую до нас, и представляющую свидетельство его редкой бережливости и неподкупности. В христианских семействах, от средних веков до наших дней, также велись Памятные книги, куда заносились главные домашние события, как-то: рождение детей, подробности об их воспитании, об их гражданском, военном или духовном призвании.

А государственная книга? Что такое государственная книга? Это целый ряд списков, в которые занесены, в министерстве финансов, имена всех кредиторов государства, с суммой их долговой претензии. Нельзя не признаться, что хотя эта государственная книга и представляет собой замечательное орудие для хорошего управления финансами, но мало привлекательна для чтения.

А Синяя книга, Жёлтая книга, Зелёная книга и т. д.? Это сборники, издаваемые ежегодно в некоторых европейских государствах министрами иностранных дел; в этих сборниках перепечатываются главные дипломатические документы. Каждое государство избрало для обложки этих книг особый цвет, который и служит для отличия их; у Франции, например, жёлтая обложка, у Англии синяя, у Австрии красная, у Италии зелёная.

Глава III. Книга у греков и римлян

Библиотеки, – Торговля книгами. – Участь поэтической книги. – Книжные лавки – место свидания учёных и библиофилов. – Гомеровские поэмы долго передаются на память. – Микроскопические издания. – Стенные карты. – Хроника острова Пароса. – История в барельефах для употребления школ.

В то время, на котором мы остановились в предыдущей главе, сделав длинное отступление, ремесло переписчиков, переплётчиков, книгопродавцев находилось уже в полном процветании. Книги приготавливались всяких размеров, всякого формата; появлялись дорогие издания, компактные издания, издания с примечаниями, издания иллюстрированные, или по крайней мере украшенные портретом автора. Частные лица спорили в щедрости с царственными особами и республиками, основывая громадные библиотеки, обогащая и организуя их. В Афинах, городе эллинском по преимуществу, городе чрезвычайно гордившемся своим превосходством над другими греческими городами и даже над своими победителями, римлянами, сыновья которых стремились в их школы, в этих Афинах вы, вероятно, нашли бы только греческие книги. Там господствовало презрение ко всякой иностранной литературе. Александрийская библиотека открылась уже более широко и для других сочинений, кроме сочинений эллинов; она имела уже все еврейские оригиналы всех книг Ветхого Завета, которые были переведены в этом городе на греческий язык для употребления весьма многочисленных евреев, забывших свой родной язык; этот перевод известен под названием перевода семидесяти толковников. Основанная в Египте, при самом впадении Нила в Средиземное море, Александрия имела также громадное население египтян, в числе которых было немало учёных, способных перевести на греческий язык некоторые из произведений египетских писателей, относящихся к первоначальным временам удивительной цивилизации, так долго процветавшей в этой стране. Так, один жрец, по имени Манетон, перевёл с египетского языка хронологию царей, от самого начала до того времени, в которое он жил сам, т. е. до царствования Птолемея Филадельфа; три века спустя другой переводчик, вероятно, грек по происхождению, Херемон, написал книгу об иероглифах, в которой объяснил, конечно, для своих соотечественников, тайны языка фараонов. Как жаль, что подобные сочинения не дошли до нас целиком, что от некоторых из них нам остались только клочки, а от других даже один лишь заголовок! Сохранившись до нашего времени, они избавили бы от большого труда учёных, называемых ныне египтологами и занимающихся, с необыкновенной проницательностью, истолкованием трёх различных видов письменности, оставшихся нам на памятниках и папирусах древнего Египта.

Но главным образом вы в Риме нашли бы, в начале христианской эры, богатые книгохранилища, основанные и организованные учёными, которые ещё не были лингвистами по профессии, какие есть ныне, но интересовались сочинениями, написанными на различных

языках. Этруссские писатели присоединили свою долю к богатствам библиотеки, которую Цезарь поручил заботам первого учёного его времени, Теренция Варрона. После покорения в Африке карфагенян, римляне вывезли из их земли книги, написанные на пуническом, т. е. финикийском языке, в особенности же трактаты о земледелии, которые были скоро переведены на латинский язык для употребления римлян; но Греция по преимуществу наводняла римские рынки своими произведениями; а так как римская литература соперничала в плодovitости с литературой греков, то в главных римских библиотеках пришлось создать два отделения: одно для греческих книг, другое – для латинских; причём каждое отделение имело своего хранителя. Иные из этих хранителей, как, например, грамматик Юлий Гигинус, отпущенник Августа и друг Овидия, оставили славное имя в истории литературы; было даже время, когда надсмотр над библиотеками был одной из важных должностей в империи. При императоре Адриане эту должность занимал Кай Юлий Вестинус, который, кажется, был также в это царствование и начальником императорской канцелярии. Около того же времени, в Риме умер грек Епафродит, родившийся рабом; благодаря своим познаниям сделавшись наставником сына одного египетского правителя, он приобрёл громадные богатства, имел два дома в Риме, в торговом квартале. В этих двух домах, если верить его биографу, он собрал тридцать тысяч томов, избранных из числа самых лучших и самых редких.

Рим был в то время городом, изобиловавшим учёными и любителями чтения. Утром вы могли встретить на улицах мальчика, отправляющегося, как описывает нам поэт Ювенал, в школу, в сопровождении маленького невольника, нёсшего за ним в сумке его учебники, тетрадки и письменные принадлежности. Иной из этих учеников получал даже в награду прелестный экземпляр какого-нибудь классика, сообразно обычаю, первый пример которому подал в Греции Исократ и которому последовал римский профессор Верий Флакк. Учитель школы, в свою очередь, имел небольшой запас книг с заметками его самого или кого-нибудь из его собратьев, которыми он и пользовался при своих уроках. По дороге в школу попадались книжные лавки, выставки книг на открытом воздухе, где, прежде чем купить книгу, можно было перелистать её и до некоторой степени ознакомиться с её содержанием, как мы делаем это и ныне.

Раскрыв сборник посланий Горация, можно прочесть там, например, прелестное прощание поэта со своей книгой, лучшую часть которого мы приводим здесь в прозе: «Ты, моя книга, как будто смотришь в сторону Вертумна и Януса (намёк на квартал книгопродавцев), горя, без сомнения, нетерпением, по отполировании пемзой, отправиться на полки к Сосиям (братья Сосии – знаменитые в то время книгопродавцы в Риме). Ты не можешь выносить ни ключей, ни печатей, этих милых для стыдливости стражей; ты боишься попасть в руки человека слишком мало любопытного; ты добиваешься известности, ты, которую я вскормил с другими чувствами. Ну, беги же туда, где ты так горишь желанием споткнуться. Раз ты вышла, для тебя уже нет возврата. “Что я наделала, несчастная, чего я пожелала?” – скажешь ты, если тебя постигнет неудача; и ты знаешь, как захлопнет тебя пресыщенный любитель, которого ты не сумела завлечь. Если я могу, не навлекая на себя вины, предсказать твою участь, то ты будешь мила римлянам до тех пор, пока ты сохранишь прелести возраста. Тогда, измученная в руках толпы, ты упадёшь в цене, или будешь безмолвно питать червей, спрятавшихся в твоих листах, или ты бежишь в Утику (т. е. в захолустный, отдалённый город), в Африке, или тебя отправят крепко связанной в Илерду (в Испанию); другая опасность: может прийти время, когда отвергнутая в Риме, заброшенная в его предместья, на старости лет ты попадёшь в руки малых ребят для обучения их началам грамматики».

Без сомнения, учителя школ, по личной бережливости или в видах экономии, для своих учеников покупали у книгопродавцев предпочтительно завалявшиеся книги. Гораций боялся, чтобы и его книгу не постигла такая печальная участь.

Книжные лавки привлекали не одних покупателей; они служили также местом свидания людей любознательных, занимавшихся там литературными беседами. Там между ними завязывались споры о достоинствах выставленных изданий; вон такая-то книга была за подписью грамматика, с величайшей тщательностью просмотревшего текст, а вот этот экземпляр Вергилия будто бы происходит из дома и даже из самого семейства поэта. С любопытством рассматривали в нём, какое чтение, какую орфографию тот предпочитал в месте, подвергавшемся спорам критиков. Но всего более привлекали внимание, бесспорно, собственноручные рукописи, т. е. писанные рукой самого автора. Историк Тацит знал в молодости учёного, составившего таким образом коллекцию автографов знаменитых личностей. При такой чрезмерной любознательности, слепая страсть библиофилов нередко впадала в ошибки, и поддельватели расставляли ей не раз сети: например, когда Птолемеи основали в Александрии свою знаменитую библиотеку, книги начали туда стекаться массами; но, увы! торговля приносила их без всякого разбора, и нередко продавцы представляли в это книгохранилище произведения или поддельные, или совсем ложные; таким образом, библиотекарю, заведовавшему покупкой книг, предлагали по два и по три экземпляра одного и того же сочинения с именем Аристотеля. Некоторые плоды подобного обмана и ныне ещё имеются на наших глазах, между прочим краткое изложение Системы мира, будто бы записанное для юного царя Александра его наставником, философом; это произведение одинаково мало достойно как того, так и другого. Смелость поддельвателей нередко простиралась ещё гораздо дальше. Одно важное лицо, друг императора Веспасиана, снисходительно дозволило показать себе автограф мнимого письма, писанного к царю Приаму одним из его союзников, Сарпедоном, царём ликийцев. Нужно заметить, что и само искусство письма, по всей вероятности, ещё не было известно в Азии во время троянской войны. Три века спустя, на рынке в Афинах продавали рукопись «Одиссеи» Гомера, которую владелец выдавал за собственноручную рукопись поэта; здесь мы напомним ещё раз, что, по наиболее вероятному мнению, Гомер и гомеровские герои не знали употребления письма, гомеровские поэмы долгое время передавались из уст в уста и сохранялись в памяти певцов, рассказывавших их на публичных площадях или в палатах важных особ. Следовательно, эти певцы во времена героической Греции были чем-то вроде ходячих книг, содержащих в своей памяти поэтические предания о прошлом. Говорят, что у некоторых туземных народов Америки также имелись «люди-архивы», верно сохранявшие в своей памяти длинные отрывки прозы и даже целые мирные договоры. Подобным же образом, в древней Индии, Веды и длинные эпические рассказы долгое время передавались на память; не доказано, чтобы индийцы знали искусство письма до времени похода Александра Македонского. Даже в нашем столетии и почти на наших глазах был ещё пример такого могущества памяти сохранять древние поэмы: национальная эпопея финнов Калевала записана на бумаге не более сорока лет назад; отдельные песни её распевались и всё ещё распеваются в деревнях странствующими певцами рунойями; из их-то уст они и были последовательно собраны и записаны.

Впрочем, память во все времена могла быть некоторым образом соперником письменности. У некоторых лиц, как, например, у актёров и музыкантов по профессии, она бывает так велика, что удерживает верно такие длинные тексты, что ими можно покрыть несколько сот страниц. Древние знали много примеров такой изумительной памяти: такова именно была память знаменитого афинянина Фемистокла; такова же была память и римского ритора Сенеки, отца философа. Иной раз это искусство запоминания становилось почти низким ремеслом, ремеслом рабов. Философ, имя которого только что было упомянуто, рассказывает в своём XXVII Письме, что один римлянин, богатый и глупый педант, окружил себя рабами, из которых каждый знал наизусть все произведения какого-нибудь знаменитого поэта, так что по знаку своего господина мог повторить тот или другой отрывок, подходящий к предмету разговора с его друзьями.

Но вернёмся снова к книгопродавцам в Афинах и в Риме. Нередко они предлагали покупателям экземпляры, весьма ценные по различным причинам. То они были замечательны по качеству папируса или пергамента, то – по роскоши или изяществу переплёта; иногда привлекали благоухание кедра или полировка кипариса, из которых были сделаны корки книги. В это время не все уже книги были свёртками; то были нередко квадратные книги или *Codices*, т. е. подобранные листки, связанные друг с другом, как у нас, ниткой, стиснутые между двумя дощечками, или по крайней мере между двумя листами пергамента. В конце концов этот способ одержал верх над другими, и в следующие века мы почти его одного только и видим в употреблении.

Плодовитость писателей, в особенности историков и компиляторов (указывают на одного из последних, грамматика и компилятора Дидима Александрийского, выпустившего в свет во времена Августа 8 000 томов!), заставила очень рано почувствовать необходимость уменьшения толщины и веса их книг; с этой целью книги писались на очень тонкой бумаге и очень мелким почерком. Таким образом, сто двадцать семь книг, из которых состояла «Римская история» Тита Ливия, представляли собой во времена Марциала (в I веке после Рождества Христова) компактное издание, может быть, даже всего из одного тома. Другое диво. Цицерон видел, неизвестно в какой библиотеке, всю «Илиаду» (т. е. более 15 000 стихов), заключённую в таком малом пространстве, что вся рукопись умещалась в ореховой скорлупе. Вы с трудом этому верите, а между тем семнадцать столетий спустя, при дворе французского короля Людовика XIV, учёный-эллинист Гюэ, епископ авраншский, доказывал однажды, что это чудо можно бы было воспроизвести на надлежащего качества веленовой бумаге вороневым пером и почерком столь мелким, как его (он забыл прибавить: и с глазами, как его).

Но драгоценные книги и компактные книги представляют собой не более как мало-полезные курьёзы и свидетельствуют только о крайних пределах искусства переписчиков. Серьёзнее была заслуга иллюстрированных изданий, как их назвали бы ныне, в которых рисунки для иллюстрации текста, а иногда портреты были исполнены или посредством копирования, на глаз, или посредством более грубого слепка.

Геометрическая или астрономическая книга не могла обойтись без фигур; естественно-историческая книга также чрезвычайно нуждалась в них; географический трактат был бы бесполезным без карт. Но, кажется, что во времена Варрона уже дошли до обнародования биографий с портретами каждой личности. Два или три портрета древних писателей, переданные нам в средневековых рукописях (портреты поэтов Теренция, Горация и Вергилия), позволяют опасение, что до изобретения гравюры подобная иконография, называемая, однако же, Плинием «благодетельным изобретением», передавала очень неверно знаменитых людей. Многочисленные бюсты из мрамора и бронзы, дошедшие до нас из классической древности, и полурельефные фигуры на греческих и римских медалях, кажется, имели большее сходство.

Впрочем, за неимением удобного способа для точного воспроизведения большого числа экземпляров географического или топографического рисунка, старались облегчать способы пользования ими; с этой целью их рисовали или вырезали на стене.

Во времена Августа общая карта мира, приготовленная трудами учёных географов, покрывала стены портика, построенного зятем самого императора, знаменитым Аганиппой. Один поэт того же времени свидетельствует, что географию изучали по стенным картам, но не в новейшем смысле этого слова, подразумевающего у нас карты, которые должны висеть на стенах, тогдашние же карты были буквально нарисованы на стенах публичных зданий, а иногда школ. В римской школе древнего французского города Отена карты были также нарисованы на стенах её классов, и обломки их попадают на развалинах этого города.

Это напоминает о другом любопытном документе, который не может не интересовать молодежь. На греческом острове Паросе, столь знаменитом своими прелестными мрамор-

рами, лет двести назад нашли на развалинах школы мраморные доски, на которых была написана краткая хронология всей греческой истории, со времени баснословного царствования Кекропса в Афинах (1582 г. до н. э.) и до 243 г. до Рождества Христова, вероятно, до того самого года, в котором была сделана эта надпись.

Таким образом, дети на стенах своей школы учились не только географии, но иногда и первоначальной истории; эти каменные книги имели то преимущество, что могли сохраняться много лет без серьёзного повреждения вместе с самым зданием, часть которого они составляли.

Иногда, для сосредоточения внимания учеников, прибегали к скульптуре барельефом. Мы имеем несколько таких барельефов, исполненных на камне или слоновой кости; на них изображены главные сцены из героических легенд Греции и даже сцены из истории в собственном смысле слова. Под каждым предметом находится короткая легенда на греческом языке, а иногда имя поэта, у которого дети могли найти более подробный рассказ каждой сцены. Это было нечто вроде памятной книжки, очень привлекательной для молодых умов.

В римских землях мы находим несколько календарей, написанных на камне. У римских граждан не было книжечек с картами их города, но они могли видеть на Капитолии план Рима, вырезанный на мраморе. Многочисленные обломки этого плана сохранились донныне.

Глава IV. Книга у греков и римлян

Критики. – Издатели. – Авторы. – Странная судьба некоторых произведений. – Литературные отрывки, найденные в египетских гробницах. – Книга мёртвых. – Каталог греческой литературы, составленный хранителем александрийской библиотеки. – Списки театральных представлений.

Каменные книги немного отвлекли нас от других книг; пора уже вернуться к ним. Гораздо больше картин рекомендовали любителям книгу комментарии ко всем произведениям, чтение которых было затруднительно или вследствие устарелости языка, или по самому свойству предмета. Гомер, например, через двести или триста лет после сочинения «Илиады» и «Одиссеи» уже не читался бегло; к нему нужны были объяснения, или, как говорили впоследствии, схолии. Примечания, сначала очень короткие и выставлявшиеся на полях или между строками, скоро превратились в очень длинные вследствие толкования тёмных мест, объяснений древних нравов и обычаев; и страницы поэмы оказывались окружёнными и обременёнными этим грузным весом учёности. Иногда комментарии превращались в особое произведение, в которое помещали только те строки или слова текста, которые желали объяснить; тогда приходилось ссылаться, с помощью каких-либо пояснительных знаков, на каждое нужное место оригинального текста; но эти ссылки делались не так, как у нас, указанием страницы, а указанием строк. Таким образом, комментатор речи Цицерона сказал бы: «строка 226, считая с начала», и вслед за этой ссылкой удовольствовался бы выпиской нескольких строк текста, которые он желает объяснить. Вообще, у грамматиков и критиков древности длина отрывка прозы измеряется числом строк, что нам кажется сначала странным, но такой способ ничуть не произвольнее нашего способа счисления по страницам. Однако же неудобство этого способа состоит в том, что греческое слово *stichos* и слово *versus*, которым оно переводится на латинский язык, имеют значение как стиха, так и строки; таким образом, иной новейший библиограф может принять за поэму прозаическое сочинение.

Книги, написанные тщательно искусными каллиграфами, и тексты, дополненные комментариями, не были единственными предметами, стоившими дорого в древней книжной торговле. Очень рано поэмы, а также и прозаические произведения возбуждали вопросы,

разрешить которые старались грамматики по профессии, или критики, как их называли в то время; например, в обеих эпопеях Гомера многие стихи, а нередко и длинные места подавали повод к спорам; оспаривали их значение или подлинность; приписывали ошибке памяти рапсо́дов или руке переписчиков иные варианты, оскорблявшие щепетильный ум издателя-критика. Позднейшие сочинения, как, например, «Диалоги» Платона, как известно, написанные и изданные самим автором, требовали толкования для лучшего понимания. Задавались вопросом, действительно ли историческая личность то или другое лицо, или не скрыл ли Платон под псевдонимом ритор, демагога, философа, на идеи или на поведение которых он нападал. Самые подразделения диалога, в котором, как в комедии, говорящие лица переменяются почти на каждой строке, могли сбивать переписчиков и заставлять делать ошибки, которых добросовестный издатель должен был, конечно, остерегаться. Мы знаем некоторых из таких издателей: Аполлоний и Аристарх – для Гомера, Гермодор и Дерциллидас – для Платона. Чтобы привести в порядок столь разнообразные примечания, требовавшиеся к трудному тексту, они придумали особенные знаки, каждый из которых соответствовал известному роду примечания. Эти знаки, выставленные на полях текста, указывали читателю, что нужно справиться с комментарием. Знаменитая рукопись «Илиады», относящаяся к X веку христианской эры и принадлежащая библиотеке святого Марка в Венеции, представляет нам именно такую поэму, снабжённую знаками Аристарха и грамматиков, его учеников.

Легко догадаться, что подобные книги нельзя было воспроизводить в очень большом числе и что их редкость делала их очень дорогими. Поэтому для нас не может быть ничего удивительного в том, что некоторые книгопродавцы хранили в своих лавках такие экземпляры, которые они позволяли просматривать только за деньги; в таких случаях книжная лавка превращалась почти в такое место, какое мы ныне называем кабинетом для чтения.

Вы, конечно, уже сами догадываетесь, что среди такой торговой и учёной деятельности книгопродавцы и служащие у них работали не даром и что книжная торговля была выгодным промыслом. Гораций в следующих выражениях отзывается о поэме, которая должна иметь успех: «Вот эта книга даст барыш Сосиям». Но какую долю в этих прибылях имел автор? Это обстоятельство плохо известно, и об этом предмете до нас дошло очень мало сведений. Разумеется, следовало бы быть так, чтобы поэт жил своим талантом, но, увы! всего чаще случалось, что талант не обогащал его, и начало писательской карьеры требовало гораздо больше издержек, чем доставляло выгод. Если автор делался знаменитостью, тогда он уже мог предлагать свои условия своему книгопродавцу, а при случае и разорить его в свою очередь, отдавая ему новые сочинения только за наличные деньги или по формальному контракту, для того чтобы обеспечить себе большую долю в прибылях.

Что же касается до поэтических произведений, дававшихся на театре, то и за них тоже давалось вознаграждение; но так как древние театры открывались лишь несколько раз в течение года и так как право входа было весьма ограниченное, то антрепренёр не мог платить дорого ни Плавтам, ни Теренциям. Талант же актёров, напротив, очень щедро вознаграждался, и в этом отношении наибольшее сходство между древними и нашими нравами; талантливый лицедей пожимал руку авторам и антрепренёрам. Несомненно, трагедия или комедия, имевшая успех на представлении, легко находила книгопродавцев для распространения своего в свете, и такая продажа могла принести хорошую пользу. Рассказывают, что некий греческий поэт, по имени Анаксандрид, живший в IV веке до нашей эры, не мог перенести неуспеха на сцене. Когда одна комедия его сочинения потерпела крушение на сцене, он «отдал ее дрогисту, чтобы тот разорвал ее на клочки». Эти клочки разорванной книги шли на заворачивание товара. Об этом свидетельствуем нам Гораций, когда он обращается с следующими грустными словами к сборнику своих стихотворений: «Меня вынесут на улицу, где продают фимиам и духи, и перец, и всё, что завёртывают в бессмысленную бумагу». Для

книги, не понравившейся публике, это то же, что плесневеть и быть съеденной червями где-нибудь в углу лавки, о чем говорит тот же самый поэт в другом месте своих сочинений.

Негодная бумага, испачканная чернилами каким-нибудь писателем-неудачником, также служила материалом для упаковки, и много раз клочки папируса, за которые мы заплатили бы более, чем на вес золота, находили себе такое вульгарное употребление. В Египте некоторые ящики с мумиями заключали в себе целые кипы бумаги, в которых попадались иной раз отрывки, представлявшие для нас настоящие сокровища. Мумия, недавно найденная Мариеттом в гробнице Сакках, содержала в себе письменное произведение, лежавшее на груди умершего вместо нагрудника. Эта рукопись представляла собой сотню стихов, написанных прелестным греческим языком; то были стихи Алкмана, одного из наиболее знаменитых лирических поэтов древности; странная судьба для произведения, спасённого от забвения только благодаря этой единственной в своём роде случайности.

Так как этот странный анекдот переносит нас с читателями в долину Нила, то будет кстати рассказать здесь о другом обычае египтян. Они имели обыкновение класть подле умершего, в ящик, содержащий его мумию, вещи, относившиеся к его делам, например, письма и экземпляр погребального служебника, который антикварию обыкновенно называют книгой мёртвых. Подобно тому, как в Египте существовало бальзамирование первого, второго или третьего разряда, так и погребальные служебники были различных размеров: более или менее пространные, писанные и украшенные рисунками руки искусных каллиграфов. Таким же точно образом и в наши дни имеются церковные служебники неодинаковой толщины и цены, что зависит от полноты или краткости текста, от более или менее роскошных печати и переплёта.

Если авторы такого множества сочинений всех возможных родов не извлекали из них материальной для себя выгоды, то не было ли им по крайней мере обеспечено право на почёт, на известное уважение? К сожалению, имя писателя подвергалось всегда большой опасности исчезнуть с заголовка его книги. Сначала некоторые сочинения, как, например, большая часть защитительных речей у афинян, писались для того, чтобы быть прочитанными или произнесёнными другими лицами, а не самим автором, и последний, получив известную сумму за свой труд, не имел возможности обеспечить за собой впоследствии право литературной собственности. Имена, поставленные во главе или в конце свёртка, подвергались там более, чем в другом месте, всем удобствам для уничтожения; всем известно, каким опасностям обыкновенно подвергаются первые и последние страницы книги, нередко исчезая вследствие ветхости или крайней небрежности. Этой беде книгопродавцы и библиографы старались помочь таблицами и каталогами, где под именем каждого автора были выставлены заголовки его сочинений, а иногда даже и первые строки каждой книги, для того чтобы облегчить их отыскание. Один очень известный поэт александрийской школы, бывший хранителем громадной библиотеки в этом городе при третьем царе из дома Птолемея, по имени Каллимах, составил таким образом настоящую библиографию греческой литературы, о громадном объёме которой можно судить уже по тому, что она состояла более, чем из ста двадцати книг, из которых каждая соответствовала известному классу сочинений, в стихах или прозе. Как далеко простиралось в этом труде усердие учёного хранителя, вы можете видеть из того, что кухня занимала в нём место рядом с историей и философией. Там вы могли видеть сочинения автора пересчитанными по строкам, сообразно обычаю, о котором уже было сказано выше, например, собрание сочинений Аристотеля, по словам одного компилятора, без сомнения, черпавшего сведения из этого источника, достигало страшной цифры 445 270 строк!

Другого рода каталог, более древний, чем труд Каллимаха, представляли списки театральных представлений, в которых фигурировали имена авторов и названия их пьес, причём время обозначалось именем действовавшего в том году правителя; иногда там выставилось

имя артиста, написавшего музыку к пьесе, а иногда также и имена главных актёров. Вы без труда поймёте пользу подобных документов для литературной истории. Они помогли определить время появления знаменитых произведений, сравнить между собой различные редакции одного и того же произведения, которые могли оказаться в одной и той же библиотеке, и решить, которая из этих редакций была действительно подлинной. Чтобы понять услуги, оказанные Каллимахом и его последователями биографам знаменитых людей, стоит только открыть книгу Диогена Лаэртца, сборник сведений о главных философах Греции, из которых каждое заканчивается довольно правильно списком их сочинений. Эти списки нередко поддельны, и для исправления их нужны более древние документы; но, увы! эти документы погибли все, и в отношении каталогов египетские развалины до сих пор доставили нам лишь разрозненные остатки (на нескольких клочках папируса) списка сочинений Аристотеля и его учеников; вот всё, что, по всей вероятности, осталось от древнего инвентаря александрийской библиотеки. К счастью для нас, некоторые части сочинений, в которые занесено столько названий, встречаются в компиляциях новейшего времени, откуда наши новейшие историки считают долгом извлекать их.

Глава V. Различные судьбы древних книг

Временная скудость папируса даже на берегах Нила, – Замена бумаги дощечками и обломками глиняной посуды. – Бедный учёный принуждён писать свои сочинения на обломках своей столовой посуды. – Истреблённые огнём библиотеки в Александрии, Риме и Лионе. – Свёртки папируса, найденные в библиотеке Геркуланума. – Стеснение при Цезарях свободы письма. – Книги, истреблённые или сожжённые по повелению сената.

До сих пор мы почти исключительно видели только возрастающее процветание литературы и книжной торговли, но правдивый историк не должен умалчивать и об их зловключениях.

Многочисленны и разнообразны были они.

Если никогда не ощущался недостаток в мысли, составляющей существенный материал книги, то в материале коммерческом и промышленном, бумаге, не раз чувствовали нужду как писатели, так и книгопродавцы. По-видимому, на неё всегда стояла довольно высокая цена. Во времена Перикла, в самый блестящий век эллинской цивилизации, лист бумаги средней величины стоил около четырёх франков на нынешние деньги, т. е. столько же, сколько ныне стоят почти полтора листа бумаги средних размера и качества. Это подтверждает нам один афинский документ, относящийся к 410 году дохристианской эры: счёт расходов, сделанных на постройку знаменитого храма Эрехтея, одного из красивейших зданий афинского акрополя. Поэтому для сочинений, не требовавших слишком много места, нередко употребляли легкие деревянные дощечки. От таких дощечек осталось несколько обломков, из которых один сохраняется в витринах луврского египетского музея, в Париже. Такой же обычай существует ещё и ныне у мусульманских народов в Африке и на Востоке.

В Египте, главном и, может быть, единственном средоточии приготовления папирусной бумаги, это драгоценное растение, подобно всякому другому, было подвержено переменчивости времён года. Были годы урожайные и были годы неурожайные. Вследствие этого иной раз ощущался недостаток бумаги, который не всегда возмещало приготовление более дорогого пергамента. Было по крайней мере два случая, когда ощущался недостаток в бумаге: один – при Дарие Охусе, и другой – в царствование императора Тиберия. В этом последнем случае, когда единственной причиной бедствия, может быть, было замедление подвоза из Александрии, недостаток бумаги принял размеры настоящего бича для столицы мира; возникли бы серьёзные смуты и, может быть, опасности для общественного спокой-

ствия, если бы не поручили тогда третейским судьям распределение, соответственно потребности и спросу, того малого количества, которое Египет прислал в итальянские порты.

В наших нынешних музеях есть другие свидетельства, – и для нас очень странные, – скудости папируса даже на берегах Нила. Некоторые рукописи на папирусе, происходящем из Египта, представляют собой что называется, опистографы, т. е. они написаны с обеих сторон, и написанное на обороте представляет совсем другой по содержанию текст против написанного на лицевой стороне: например, семейные письма или хозяйственные счета на обороте трактата об астрономии или диалектике. Это делалось, очевидно, из экономии, чтобы утилизировать таким образом другую поверхность свёртка папируса. Но вещь ещё более странная: кто поверил бы, что в I веке нашей эры римские солдаты, размещённые в верхнем Египте, и чиновники римского управления, не имея бумаги для ведения своих повседневных счетов, например, расписок в получении жалованья и различных поборов, писали эти расписки на остраках, т. е. на обломках глиняной посуды? Нельзя не признать, что это был материал не совсем удобный для переписки, и, однако, им пользовались даже для интимной переписки. Если бы письменность на этих особенных документах не была чаще всего греческая и легко разбираемая, если бы на ней не было удобочитаемых пометок времени написания, никто не подумал бы, что такой обычай существовал так долго, и что он появился задолго до упадка древней литературы и книжной торговли. Однако в этом не может быть никакого сомнения. В моём маленьком музее есть несколько таких обломков, есть один даже чрезвычайно редкий: это почти третья часть вместимости большой вазы, на которой какой-то египетский христианин написал очень плохим греческим языком рассказ о чуде Иисуса Христа и дополнил его трогательным и простодушным гимном во славу Божию.

Предполагают, что бедность заставляла некоторых писателей писать таким порядком целые сочинения на обломках их столовой посуды. Такой именно факт рассказывают об Апполоние Дисколе, наиболее знаменитом из всех греческих грамматиков, жившем в век Антонинов. Но из его многочисленных сочинений нам осталось ещё столько, что если собрать всё, то получится очень толстая книга. Сколько места должны были занимать и сколько весить подобные черновые сочинения! Нам думается, что легенда раздула факт, действительный в своём основании. Грамматик, прежде чем сделаться знаменитым, жил, может быть, очень бедно и, подобно римским солдатам и чиновникам в Египте, подобно христианским отшельникам Фиваиды, мог время от времени писать некоторые замечания, некоторые воспоминания на обломках глиняной посуды. Ведь есть же у арабов легенда, что Магомет писал Коран, под диктовку ангела, на лопатках барана. Подобно всем историческим героям, подобно Александру Македонскому и Карлу Великому, и книга имеет свою легенду.

Перейдем же теперь к серьёзной истории.

В странах, наиболее богатых трудолюбивыми писателями, всякого рода тружениками для воспроизведения и распространения созданий ума, прискорбно видеть, скольким опасностям могли подвергаться книги, которые, казалось, даже с самого своего появления на свет должны были найти у публики самый радушный приём. Знаменитый Аристотель, говорят, завещал все свои рукописи наиболее учёному из своих учеников, Теофрасту. Последний, не имея времени обнародовать их все, в свою очередь, завещал их наследникам, мало достойным такой чести, так что наследство долгое время оставалось заброшенным в подвале, где много томов испортилось. Это предание, если оно верно истине, объясняет нам, почему в таком плохом состоянии дошли до нас многие сочинения величайшего философа древности. Оно объясняет также, почему эти книги распространились так поздно на Западе и почти не были известны римлянам до взятия Афин их полководцем Суллой. Другой, более странный, пример печальной участи: один из Птолемеев в Египте, преемник государей, основавших богатую александрийскую библиотеку, однажды, неизвестно за что, разгневался на учёных и изгнал всех из своего царства. Подобного рода преследование не могло продолжаться долго

у народа, столь дружелюбно расположенного к искусствам, как эллины и, слава Богу, мы видим, что оно не причинило большого вреда ни науке, ни поэзии. По странному совпадению, китайские летописи относят большое преследование учёных и истребление многих тысяч древних книг, в числе которых указывают на замечательные памятники китайской мудрости, от которых как бы чудом сохранилось лишь несколько экземпляров, к царствованию Чин-Тси-Гоанга, бывшего почти современником Птолемея Филометора.

Эти злоключения следует приписать причудам деспотической воли, но даже при регулярном состоянии древнего общества, книги и их авторы не раз подвергались другим опасностям.

Прежде всего, в результате несчастных случаев очень часто архивы и библиотеки были опустошаемы или совсем истребляемы огнём. При взятии Александрии Юлием Цезарем пламя похитило одну из громадных библиотек этого города, находившуюся в квартале, известном под названием Брухиума. Во время пожара, устроенного в Риме безумно жестоким Нероном, также исчезли три библиотеки со всеми заключавшимися в них литературными сокровищами. Провинциальные города не были защищены от подобных бичей. В царствование Клавдия, город Лион (называвшийся тогда Лугдунум) был до основания уничтожен огнём в одну ночь. Но после таких несчастных случаев обыкновенно почти всегда всё довольно быстро восстанавливалось. Когда сгорел Капитолий, во время гражданской войны, окончившейся победой Веспасиана, от всех сокровищ, собранных в этом древнем святилище религии и патриотизма, остались одни разрушенные клочки: там с давнего времени были собраны многие тысячи списков и бронзовых таблиц, составлявших архивы империи.

Прибегнув к копиям большинства этих подлинных текстов, находившимся в других складах, удалось опять восстановить собрание их, доходившее числом до трёх тысяч отдельных документов; это Светоний, биограф Веспасиана, справедливо называет *instrumentum imperii pulcherrimum*. Полвека спустя после пожара, истребившего город Лион до основания, последний делается более цветущим благодаря изящным искусствам и торговле. Он имеет книгопродавцев, и эти книгопродавцы наперегонки спешат выставлять в своих лавках то, что ныне называется новостями литературы. Плиний младший узнал с радостью, которую он и высказывает в своей переписке, что его книги находили поклонников на столь отдалённом от Рима и даже от его родины, Кома, рынке.

К тому же периоду истории (79 г. после Рождества Христова) относится воспоминание о Геркулануме и Помпеи, засыпанных горячим пеплом Везувия. По крайней мере в первом из этих двух городов нашли в одной комнате тысячу семьсот свёртков папируса, которые принадлежали библиотеке эпикурейца и значительную часть которых могли разобрать неаполитанские учёные, благодаря своему изумительному терпению и прилежанию. Менее счастливый в этом отношении город Помпея не дал нам ни одной из книг, которые он заключал в себе в своё время; а между тем и теперь ещё можно видеть там лавку книгопродавца с рабочей комнатой для переписчиков, которую очень легко узнать по надписям на ней и по её внутреннему устройству; но влажный пепел, проникший повсюду в этом городе, разрушил там до мельчайших частиц папирус и пергамент. Искусные исследователи, руководящие раскопками этих развалин, отчаиваются найти там остатки хотя бы одной рукописи, имеющей вид книги; нашли там лишь несколько приходно-расходных счетов, написанных на навощённых деревянных дощечках; все эти счета разобраны без большого труда.

Рядом с этими несчастными случаями надо предполагать и более или менее насильственные разрушения, которые приходится приписать, увы! злой воле людей.

Поэт Овидий представляет нам первый пример этого; изгнанный из Рима императором Августом за проступок, тайну которого так никогда и не узнали, и сосланный в небольшой городок на берегах Эвксинского Понта (ныне Черное море), он мог ещё писать там довольно

свободно элегии, в которых он оплакивает свою печальную участь; но посылая свои стихи в Рим, он, как мы видим, не совсем был уверен в приёме, который они должны были найти там. Вы не без интереса прочтёте, даже в слабом прозаическом переводе, несколько строк послания, которое Овидий, в подражание Горацию, обращает к сборнику своих *Tristes*, как он назвал их: «Маленькая книжка, – я не досаую на это, – ты отправляешься без меня в Город (Рим), куда не может последовать за тобою твой господин. Иди, но плохо одетая, как и подобает книге изгнанника. Несчастливая, береги наряд своего несчастья; да не окрасит пурпур твоего покрывала, – его цвет не идёт к тому, кто носит траур. Да не привлекает глаз сурик твоего заголовка, и кедр да не наполняет благоуханием твоих листьев. Два белых шарика да не выделяются на твоём чёрном обрезе (это концы стержня, на который навёртывался папирус). Такой красивый убор будет украшать счастливые книги. А ты, ты не можешь забыть о моем несчастье. Твои два обреза не будут отполированы пемзой, чтобы можно было видеть в беспорядке твой головной убор (т. е. необрезанные края папирусного свертка). Не красней за свои помарки: при виде их всякий поймёт, что они сделаны моими слезами. Иди же, моя книга, и приветствуй от моего имени те дорогие места...» И после этого подробного до мелочей описания поэт переносится мысленно в храмы и дворцы своего дорогого города Рима, в котором он опасается повсюду козней и пробуждения гнева государя, отправившего его в изгнание. Он представляет книгу попадающей в дом, в котором она встретит своих старших сестёр, и опасющейся и там возбудить подозрения против своего господина. Из этого мы видим, как нередко тяжело уже было положение писателей в последние годы царствования Августа.

Свобода сочинений и обнародования книг, конечно, была велика у греков и римлян; но так как она вырождалась иной раз в разнузданность, то для сдерживания её в границах нужны были законы, и эти законы нередко применялись с большой строгостью. Не только присуждали к сожжению позорящие честь пасквили (что, конечно, было вполне справедливо), но строгость распространялась даже на серьёзные исторические труды, автор которых грешил только излишним поклонением или просто уважением к павшему правительству. Таким образом при императоре Тиберие был осуждён историк Кремуций Корд за то, что говорил с уважением о последних защитниках республики, Бруте и Кассие. До него, другой летописец, книги которого были сожжены по повелению сената, не захотел пережить их истребления и покончил жизнь свою самоубийством. Сочинения Тацита дошли до нас не все. Этот великий писатель отзывался с суровой независимостью о царствовании первых императоров; он мужественно порицал Нерона и Домициана. Можно думать, что именно эта свобода и была до известной степени причиной исчезновения некоторых его произведений. Преемникам первых Цезарей не нравилось, что в римском обществе распространяются проникнутые столь благородной печалью суждения о политических порядках, от которых страдал, которых, может быть, заслужил своими преступлениями давно уже выродившийся Рим.

Рассказывают, что император Тацит, считавший себя потомком знаменитого историка, озаботился о воспроизведении его сочинений и о распространении их по библиотекам. Кто знает, не этой ли счастливой случайности мы обязаны тем, что можем читать по крайней мере половину этих красноречивых рассказов, делающих честь уму человеческому.

Глава VI. Книги в первые христианские века

Нетерпимость христианства к еретическим книгам. – Что делается с языческой литературой при суровости Церкви и невежестве варваров. – Сохранение древних преданий Бозцием и Кассиодором. – Деятельность первых отцов Церкви по защите и распространению христианства. – Многоязычная Библия Оригена. – Уменьшение научных сочинений. – Сокращение некоторых великих произведений до руководства. – Сохранение

некоторых произведений греческих писателей в переводах на восточные языки. – Преимущества и неудобства этих переводов.

После политических страстей следует отдать отчёт также и о религиозных спорах.

В деле религии языческие народы часто отличались терпимостью. У них было столько различных богов, что им ничего не стоило впустить ещё одного лишнего в свои храмы. Общественные власти были строги у них только к заведомым безбожникам. До сих пор мало известно бесспорных примеров этих строгостей. Процессы за нечестивость были нередки, но не видно, чтобы погибло много книг, более или менее не религиозных, вследствие осуждения их авторов. Этого не было даже и после торжества христианства. Христианский догмат, очень рано сформулированный апостолами, а затем учёными богословами на соборах, не допускал свободы обсуждения и толкования, которую политеизм позволял самым смелым из его философов.

Например, Эпикур, решительный отрицатель языческих богов, спокойно и счастливо жил в Афинах, где вокруг него процветали и древний культ, и иные новейшие, иностранного происхождения суеверия. Христианское общество было менее снисходительно как к еретикам, так и к философам, нападавшим на его таинства, на его теологию. Против христианства писали в особенности трое учёных: Цельзий, Порфирий и Юлиан. Строго осуждённые, преданные поруганиям и поношению, их сочинения не могли пережить времени, в которое они появились: от них сохранились лишь отрывки в прозе христианских учёных, писавших возражения против них. Что же касается до знаменитого ересиарха Ария, очень долго колебавшего основы христианского учения, то его книга, преданная анафеме на соборах, исчезла совершенно.

Даже помимо этих преследований, объясняющихся искренней страстью у православных христиан, естественно было ожидать, что торжество новой религии мало-помалу погрузит в забвение многие произведения языческой литературы. Одного папу обвиняют в поощрении уничтожения языческих сочинений; но этот папа, Григорий Великий, нашёл себе защитников в этом отношении, и, кажется, теперь доказано, что его единственная вина заключалась в том, что он советовал членам духовенства ограничивать своё образование латинской Библией и её комментаторами. Великий епископ, святой Василий Великий, двумя веками раньше, советовал, напротив, изучать древних поэтов Греции и доказывал, что подобное изучение, надлежащим образом направленное учителями, спасительно для воспитания сердца и ума. Творение святого Василия об этом предмете сделалось классическим в школах, подобно сочинению Плутарха о воспитании детей.

Теперь мы дошли до времени великого нашествия варваров, которое внесло в цивилизованный мир много других неурядиц, помимо борьбы двух непримиримых религий.

Я не знаю, хорошо ли разьяснили историки, – в особенности те, которые пишут для молодежи, – всё то, что должна была потерять цивилизация вследствие нашествия этих миллионов людей без всякой культуры, без всякой любви к искусствам, без всякого уважения к памятникам, благодаря гению художников размножившимся по всему Западу. Самая промышленность, служившая только удобствам жизни, должна была очутиться в пренебрежении у народов, преданных войне или грубым наслаждениям кочевой жизни. Много времени потребовалось для того, чтобы эти грубые завоеватели почувствовали расположение к тонкостям более цивилизованной жизни. Готы, гунны, вандалы, все эти варвары, ринувшиеся на Европу и не умевшие ни читать, ни писать, могли лишь впоследствии заинтересоваться книгами и библиотеками, имевшими такую большую цену для побеждённых. К счастью, евангелие проникало в их души не посредством одной только проповеди, они должны были мало-помалу научиться чтению священных книг. Впрочем, раз сделавшись распорядителями громадных империй, они должны были иметь для управления делами сколько-

нибудь образованных министров; они имели надобность в правильно организованных канцеляриях, и таким образом они начали делаться учениками грамматиков и риторов, которых Рим и Греция предлагали им в большом изобилии. Не один учёный латинского Запада сделался министром короля-варвара: таков был Боэций, переводчик и комментатор Аристотеля, при дворе Теодориха; таков же был и Кассиодор, большой почитатель литературы, большой поощритель всех искусств, облегчавших производство книг, украшение и распространение их. Некоторые короли сами оказывались ревностными поборниками знания; король франков, Хильперик, одно время с удовольствием занимался выдумыванием новых букв для азбуки.

Несмотря на всё это, как в греческом, так и в римском мире школы делались менее многочисленными, искусство письма более и более обращалось к рутине практики, вкус изменялся, язык портился, и понижение знаний было бы не вознаградиво, если бы христианство не придало падавшим обществам могущественный элемент жизни. По истечении нескольких веков все литературные школы сделались христианскими, и обучение новому догмату, поддерживая повсюду деятельность умов, оспаривало мрак невежества и предупредило бедствие, к которому бы привёл совершенный перерыв учёных исследований. Что христианство обнаруживало горячность в спорах, плодовитость в проповеди, об этом можно судить по сочинениям некоторых учёных новой религии. Целыми томами *in-folio* считаются творения первых отцов Церкви: святого Августина и святого Иоанна Златоуста. Библия одна, сама по себе, потребовала громадных трудов, хотя бы только для перевода с еврейского на греческий и латинский языки и для более лёгкого распространения, таким образом, среди народов Востока и Запада. Вы знаете, что Ветхий Завет в оригинале представляет большой том, даже в самых компактных изданиях. Вообразите же себе, чем должна была быть многоязычная Библия Оригена, собрание шести, расположенных параллельными столбцами, текстов всех канонических творений: текст еврейский, текст латинский, четыре и даже пять различных переводов на греческий язык. Какой громадный труд, какие расходы предполагали подобные книги! Латинский перевод Библии, известный у католиков под названием Вульгаты, принадлежит преимущественно святому Иерониму. Нет ничего любопытнее предисловий этого учёного мужа во главе каждого из произведений, которые он переводил по еврейскому или халдейскому оригиналу. Тут видно, какую страсть к исследованию, какую тонкость толкования обнаруживали эти учёные, как ещё легки были сношения между различными школами, между библиотеками, между книжными торговлями цивилизованных народов.

Вне религиозного обучения наука, правда, начала падать. Естественная история, астрономия и вообще знание физического мира более и более сводились к поверхностным понятиям. Красноречиво прославляли красоты творения – дело шести дней, это было даже любимым предметом христианской проповеди (отсюда название *Hexameron*, которое, между прочим, носит сборник поучений святого Василия), но мир уже не изучали так, как изучали его знаменитые физики и астрономы греческой древности. Приспосабливаясь к потребностям менее любознательного общества, наука превратилась в краткие руководства, которые стоили малого труда их авторам, малых расходов книгопродавцам и их покупателям. В некоторых отношениях эта мания кратких руководств была бичом для серьёзной и изящной литературы. В одном труде, в тридцати семи книгах, учёный римлянин Плиний представил картину природы и цивилизованного мира (*Historia naturalis*). Когда эта энциклопедия нашла себе сократителя (этот сократитель назывался Солином, а его маленькая книжечка называлась *Polyhistor*), она более и более начала приходить в забвение; однако же, она не исчезла, и для нас ещё представляет богатый склад учёности. Но масса кратких изложений убили большую книгу, которую они резюмировали для невежественной массы читателей. Без сомнения, таким именно образом мы лишились, целиком или отчасти, больших исторических трудов, как, например, трудов Теопомпа и Полибия у греков, Трога Помпея и Тита Ливия у римлян.

Менее известный пример, но мы приведём его, потому что он кажется нам характерным, представляет маленький латинский словарь, составленный во времена Карла Великого диаконом Павлом. Во времена Августа, грамматик Веррий Флакк, бывший в течение некоторого времени наставником внуков этого императора, составил большой исторический словарь латинского языка, содержащий в двадцати книгах все слова, даже самые древние, с цитатами из авторов; словарь этот был настоящей сокровищницей самой разнообразной учёности, но именно вследствие своего богатства он показался скоро обременительным. Три века спустя некто Помпей Фест сделал из него первое сокращение, которое, в свою очередь, показалось слишком длинным для учителей и школ тех варварских времён, когда Карл Великий и Алкуин старались пробудить любовь к наукам; и вот диакону Павлу было поручено сократить, в свой черёд, книгу Помпея Феста. До нас дошёл только этот последний труд, самый короткий и наименее поучительный из всех трёх; первый исчез бесследно; от второго осталось только около половины статей, начиная с буквы М, в рукописи, которую пламя истребило наполовину тогда, когда книгопечатание спасло оставшееся от неё.

Сборники извлечений наделали не менее вреда полным изданиям оригинальных произведений. Таким образом в V веке компилятор по имени Иоанн Стобийский или Иоанн Стобей, собрал по порядку сотни страниц или коротких отрывков наиболее знаменитых прозаиков и поэтов древней Греции. Некоторые из этих писателей нам и известны только по тому, что сохранилось из их произведений в компиляции Стобея. Нельзя, впрочем, не признать, что велико было искушение облегчить немного пользование (для наибольшего числа читателей) бесчисленными сочинениями, накопившимися в библиотеках. Между V веком до христианской эры и VI веком после Рождества Христова насчитывают в одной только Греции более шестисот историков, из числа которых двадцать пять или тридцать были первого порядка или по таланту, или по учёности. Это, конечно, извиняет греческого императора Византии Константина Порфирородного, возымевшего мысль составить в широких размерах и методически свод извлечений из главных историков под таким заглавием: «Извлечения стратагем, сражений, посольств, хороших и дурных примеров...» Редкие рукописи, оставшиеся нам от этого сборника, сохранили для нас много страниц из историй, заимствованных из объёмистых произведений, ныне утраченных; все эти страницы более или менее драгоценны, например, страница историка Николая Дамасского, где рассказан, и притом греческим летописцем-современником, трагический эпизод смерти Юлия Цезаря.

Другую возможность спасти некоторые литературные труды древней Греции представлял перевод на иностранные языки. Армяне, на севере Азии, и сирийцы, в Палестине, очень рано посвящённые в знакомство с греческим языком и почувствовавшие любовь к столь прекрасной литературе, скоро захотели иметь её произведения и на своём языке. В особенности пользовались этой любовью отцы Церкви и философы, и таким образом иное произведение знаменитого учёного Евсевия, например, или святого Иоанна Златоуста, греческий оригинал которого погиб, сохранилось или на армянском, или на сирийском языке. Иной раз даже с сирийского оно переводилось на арабский, а с арабского, в средние века, на еврейский или латинский язык. После такого продолжительного странствия, оригинальный автор доходил до нас в очень искажённом виде. Когда мы, благодаря счастливой случайности, можем сравнить первоначальный текст с этими переводами из вторых, третьих или даже четвертых рук, нас поражает то, что мысль автора искажена до того, что нередко делается неузнаваемой.

Научный трактат можно таким образом переводить на несколько языков без больших неудобств; одинаковость терминов в различных языках проведена с достаточной строгостью; «Геометрия» Эвклида, «Механика» Архимеда, может быть, даже «Медицина» и «Хирургия» Гиппократов утратили мало в своей ценности при переходе из греческих школ в школы Ассирии или Испании, занятой арабами. Слог имеет лишь посредственное значение в сочинениях подобного рода, и самые идеи, по свойству своему, не сильно могут быть

искажены, если только переводчик одинаково хорошо владеет как своим родным языком, так и языком переводимого им автора. Совсем иное дело литература, где яснее обозначается различие гения народов. Арабы, несмотря на богатство своего восточного воображения, не создали и даже не знали ничего похожего на греческую эпопею, на греческую трагедию или комедию. Поэтому-то арабский переводчик «Поэзии» Аристотеля и впадает во множество противоречий и искажений; трагедия, которой у него нет перед глазами ни одного примера, превращается у него в «искусство хвалить», а комедия, которой он не знает, сводится к «искусству порицать». Небольшое произведение Аристотеля о поэзии не всегда отличается особенной ясностью в неполной редакции, имеющейся у нас на греческом языке. Но в латинском переводе, сделанном по арабскому переводу, это почти совершенная бессмыслица, из которой история литературы не может извлечь почти никакой пользы.

Только что сделанные нами замечания переносят нас в средние века. Пора представить, каково было тогда состояние книги в публичных или частных библиотеках, особенно в библиотеках монастырских, и какова была профессия людей, писавших, украшавших или продававших их. Этим мы и займёмся в следующей главе.

Глава VII. Книги в средние века

Рукописи и переписчики. – Орудия каллиграфа. – Этимология слов «рубрика» и «миниатюра». – Дипломы времён меровингов и другие рукописи VIII и X веков на папирусе. – Скудость пергамента в VI веке нашей эры. – Палимпсесты. – Драгоценные открытия, сделанные при их разборе.

Несмотря на мрачное впечатление, производимое на нас картиной нашествий варварства и следовавших за ними раздирающих сцен, вы уже видели в предыдущей главе, что средние века были не бесплодны и не без литературной славы, что промышленность и торговля книгами далеко не исчезли; только кажется, что эта деятельность сосредоточивалась по преимуществу в монастырях и в руках монахов, сделавшихся почти единственными представителями науки, единственными наставниками молодежи.

Войдём же в склад рукописей в одной из наших больших библиотек; мы изумляемся, как многочисленны ещё, как прекрасны ещё иной раз рукописи на весьма различных языках, особенно на греческом и латинском, поступившие к нам по наследству от средних веков. Мы увидим там или карманные книги для употребления студентов, или громадные тома, в которые любитель, не обладавший ни критическим взглядом, ни вкусом, без разбора сшивал тетради, принадлежавшие произведениям нескольких авторов и написанные разными переписчиками. Или это роскошные тома, написанные безусловно красивым и тщательным почерком, книги любителей по преимуществу, в которых точность текста пострадала только от почти неизбежных оплошностей со стороны самых добросовестных переписчиков. Нередко каллиграф подписывал свой труд, поручая себя, «бедного грешника», снисходительности и молитвам своих читателей; иногда (но это редко лишь встречается в латинских рукописях Запада) переписчик, – будь то монах с необразованным грубым умом, или продажный писака, – после своей последней строки прибавлял довольно грубый стих, мысль которого можно перевести таким образом: «Здесь оканчивается моя книга; ради Христа, дайте мне на чай».

Explicit hie totum, per Christum da mihi potum.

Многие рукописи носят следы критического просмотра, сделанного с большей или меньшей тщательностью самим владельцем, или грамотеем по профессии; в таком случае этот просмотр нередко удостоверяется подписью, свидетельствующей о времени просмотра. Таким именно образом имели возможность расположить по порядку веков рукописи не

помеченные, сличая их почерк с почерком книг, время писания которых обозначено, так как естественно предполагать, что сходство почерков указывает на рукописи одного и того же века.

Особенную трудность для переписчиков представляло переписывание книг с цитатами на греческом языке. Почтенный писец нередко не знал греческого языка. Тогда из двух вещей одно: или он делал с большим трудом снимки с букв греческого письма, и эти снимки, несмотря на своё несовершенство, очень полезны для нас цитатами греческих авторов, которых до нас не дошло ни одного оригинального списка, или же он выходил из своего затруднения тем, что выбрасывал цитату и заменял её двумя буквами *gr. t. e. gresum*; формула, которую обычай распространил в четыре слова *gresum est, non legitur*, сделалась почти пословицей для обозначения незнания греческого языка. Под названием «Аттические ночи» мы имеем очень интересную компиляцию римлянина Аула-Гелла, библиофила, весьма сведущего в обеих литературах, в которых он черпал чрезвычайно разнообразие анекдотов и интересных извлечений. Некоторые рукописи этой любопытной книги лишены греческих цитат, которые автор прибавил туда; в те времена и в монастырях, в которых они переписывались, греческий язык был почти совсем неизвестен. Иногда также переписывание греческого текста невежественным писцом показывает (что тоже небезынтересно), каким образом произносился тогда язык Гомера и Демосфена.

А на каком веществе, какими орудиями занимались своим ремеслом все эти переписчики, все эти каллиграфы? Об этом мы имеем свидетельства, восходящие к первым векам христианской эры. Сборник мелких греческих поэм, известный под названием «Антологии», содержит в себе семь небольших статей, однообразное содержание которых представляет приношение каллиграфа какому-то божеству, приношение, упоминающее о всех орудиях, необходимых для его профессии; приводим прозаический перевод одного из этих стихотворных произведений, очень грациозного в оригинале:

«Этот мягкий свинец, определяющий движение моих пальцев; это перо, мягкое для иных искусных поворотов; этот ножик, расщепляющий и утончающий его; камень, на котором заостряется тростник; наконец, всю свою сумку, с лощилкой, губкой и чернильницей, когда-то бывшими орудиями моего смиренного ремесла, я приношу тебе, о бог, потому что, ослабленные возрастом, моя рука и мои глаза отказываются от работы».

Мягкий свинец был или кружок, или стержень из этого металла, которым, как у нас, водили по линейке для того, чтобы начертить линии, едва заметные для глаза, и тем доставить некоторым образом точку опоры для руки переписчика и получить одинаковое число строк на каждой странице. Карандаш заменял их для торговых списков, для школ и для повседневного употребления лиц, хлопотавших о правильности своего почерка. Ещё больший прогресс представляет употребление очень бледных чернил, положенных с помощью особого прибора на бумагу, которая в торговле носит название «линованной бумаги».

Перо (*calamus*) или палка для писания, как мы видим, была очиняема и расщепляема, конечно, перочинным ножом, а затем ещё полируема и заостряема на камне; лишь в VII веке нашей эры мы находим первое упоминание о пере, заменяющем *calamus*. Но этот последний в руках каллиграфа достигал, конечно, тонкости, близкой к тонкости нашего воронова пера, или наших стальных перьев.

Папирус, на котором написаны стихи греческого поэта Алкмана, имеет на полях заметки, писанные почти микроскопическим почерком; существует также речь, писанная греческим ритором на папирусе; оригинал её находится у автора этой книги, но уже в сильно попорченном виде; наконец, чудо, представляемое «Илиадой», написанной так, что она могла уместиться в ореховой скорлупе (чудо, о которых мы уже говорили), служит отличным доказательством того, на что был способен греческий каллиграф ещё задолго до того, как вошли в употребление гусиное и вороново перья.

Лощилкой служил кусок пемзы, пористое и несколько шероховатое вещество которой слегка объедало края свернутого папируса и выравнивало поверхность его краёв, подобно тому, как у нас резец переплётчика обрезает концы полей в книге.

Чернильница греческих переписчиков, по-видимому, содержала только чёрные чернила. Слово, означающее чернила, *melan*, значит просто «чёрное», а латинское слово *atramentum* означает также употребление черной жидкости; но египетские папирусы и некоторые древние палитры, найденные в Египте, указывают на употребление чернил различных цветов. Римские и греческие каллиграфы одинаково любили разнообразить цвета чернил, особенно для названий сочинений или глав, для начальных букв этих глав. Роскошь простиралась даже дальше: отыскивали средство разводить в подходящей жидкости золотой и серебряный порошок, и таким образом получали золотые и серебряные буквы, блеск которых ласкал глаз, особенно на пергаменте, окрашенном в пурпурный цвет, чему мы имеем несколько примеров. *Minium*, или сурик, представляющий красную свинцовую соль, обыкновенно употреблялся для заголовков законов в списках уложений; отсюда к нам перешло употребление для заголовков названий рубрика (*tubrica* по-латыни «буквы красного цвета»). Кроме того, от слова *minium* (сурик) произошло слово миниатюра, искусство которой, постепенно совершенствуясь, превратилось в оригинальную и чрезвычайно богатую отрасль живописи. Но какая бумага могла воспринимать столь богатые и столь тонкие украшения? Папирус или пергамент? Вы заметили, что каллиграф, набожное приношение которого мы перевели выше, не говорит определённо о своей бумаге. Это потому, что бумага не относилась к принадлежностям его профессии; её давали автор или книгопродавец. Писавший это посвящение не имел надобности приносить богу образец своей бумаги. Для рукописей хорошего качества, но без тщеславных украшений, папирус годился вполне. В Египте писали даже на холсте, а также и делали весьма разнообразные рисунки. Римляне также знали холщовые книги (*libri lintei*), содержавшие сибиллины предсказания или религиозные обряды. Однако пергамент, более твердый, чем папирус, и воспринимающий более совершенную полировку, должен был рано или поздно вытеснить этот продукт египетской промышленности. Революции, опустошавшие Египет в V веке и последующих, в особенности после занятия его арабами, должны были сильно повредить производству папируса. Долго думали, что калиф Омар, по взятии Александрии, приказал сжечь в ней библиотеку, под тем предлогом, что в ней не заключалось ничего полезного для учеников Пророка. Эта легенда утратила всякую веру. Известно, что после стольких предшествовавших опустошений солдатам Омара осталось очень мало книг для сожжения. Но если и не истребляли в то время старых книг, Египет всё менее и менее доставлял материала для приготовления книг новых. Эта промышленность существовала ещё несколько веков после арабского завоевания. На папирусе написаны многие дипломы времён Меровингов. В числе свёртков, принадлежащих египетскому вице-королю и хранящихся в музее Булак, находится один содержащий Жития святых на коптском языке (это новейшая форма египетского языка и письменности) и оканчивающийся греческой подписью, помеченной 450 годом Диоклетиана (эра мучеников) или 752 годом христианской эры, т. е. временем детства Карла Великого. В Италии папские буллы долго писались на папирусе; из числа их известна одна, помеченная 998 годом; но, по всей вероятности, в те времена подобная роскошь допускалась лишь в некоторых канцеляриях.

Даже в свежем виде, тотчас по выходе из рук рабочего, эта растительная, легкая, ломкая, не совсем плотная бумага должна была легко разрушаться; она подвергалась многим шансам изменения. Это мы видим даже на той бумаге, которая лучше всего сохранилась в Египте; листья при малейшем давлении склеиваются между собой; если только свёрток не сохранялся тщательно в цилиндрической форме, на складках папируса делались разрывы. Когда эта бумага была разрезана на страницы и последние составили книгу нашей формы, а не свёрток, эти страницы было трудно перелистывать; они не обладали упругостью; поэтому

некоторые книгопродавцы прибегали к следующему средству: в одной и той же книге они за папирусными страницами поочередно вставляли пергаментные листы, как это видно в прекрасной рукописи святого Августина, хранящейся в парижской национальной библиотеке.

Пергамента, в свою очередь, иногда не хватало для удовлетворения всего спроса. С V или VI века он сделался редким в некоторых местах на Западе. Эта скудость заставляла довольно часто прибегать к прискорбному обычаю, впрочем, как будто восходящему даже к классической древности; благодаря этому дурному обычаю мы лишились множества сочинений. Для написания актов какого-нибудь собора или даже плохих стихов какого-нибудь поэта времён упадка, проводили губкой по пергаменту, содержащему, например, речи или философские трактаты Цицерона, и затем писали новый текст, или между строками ещё заметного старого текста, или на тех же самых строках, если считали их достаточно смытыми, или же, наконец, в поперечном направлении. Этого рода рукописи называются палимпсестами (подчищенными), хотя, говоря правду, эта операция производилась губкой или же пемзой, а отнюдь не ножом. Новейшие филологи поздно хватились сделать опыт разбора первоначального текста палимпсестов; для этого нужны очень хорошие глаза, а иногда и употребление химических реактивов, которые, восстанавливая первоначальный текст, сильно изменяют вещество пергамента. Но открытия, сделанные этим способом, вполне оправдали его. Какое сокровище составляет для нас палимпсест Гайя, возвративший нам классический труд этого великого юрисконсульта, хотя, конечно, и изуродованный в некоторых частях! Какое сокровище составляют открытые таким образом прекрасные страницы «Республики» Цицерона! Какой драгоценный оригинальный документ представляет переписка ритора Фронтонна с его учеником, ставшим впоследствии императором Марком Аврелием!

Почти всегда в палимпсестах представляются произведения языческой литературы, которые были покрыты христианскими произведениями, писанными на том же языке. Иногда второй язык отличен от первого, как, например, в рукописи библиотеки британского музея, где сочинение на сирийском языке скрывает от нас самый древний известный нам список некоторых песен «Илиады». Тут нет открытия, собственно говоря, но действительно любопытно знать, каково было состояние в IV или V веке нашей эры этого дорогого для нас текста, подвергнувшегося стольким переделкам со времён Гомера до времени его александрийских комментаторов.

Глава VIII. Книги в средние века

Рукописи священных книг, замечательные по изяществу письма и богатству украшений. – Странное равнодушие евреев к древности рукописей их священных книг. – Пристрастие арабов к изящным книгам. – Библиотеки мусульман. – Возвращение к христианским народам. – Латинские рукописи с иллюстрациями. – Искусство и плодовитость миниатюристов в средние века. – Неверность у них костюма и характера действующих лиц. – Новая эпоха в истории книги. – Бумага из хлопка. – Трудность чтения текстов вследствие употребления сокращений. – Возвращение к древности. – Стенография у римлян. – Тироновские знаки. – Тахиграфы.

В предыдущей главе вы видели, после стольких других, ещё одну новую причину уничтожений образцовых произведений языческой древности. Книжная торговля и монахи, занимавшиеся в монастырях каллиграфией, естественно начали более и более пренебрегать языческими писателями древности и привязались преимущественно к христианским текстам, и прежде всего к Ветхому и Новому Завету. Затем книгами, предназначенными для церковной службы, требниками, осьмигласниками, служебниками и другими; затем калли-

графы почти исключительно занимались сочинениями учёных богословов, каковы, например, святой Василий Великий и святой Иоанн Златоуст. Вот почему мы имеем чрезвычайно большое число рукописей этих сочинений, восходящих до V и даже до IV века нашей эры, причём некоторые из них выполнены с чрезвычайной роскошью украшений: заглавные буквы разных цветов; заглавные буквы, украшенные арабесками, иногда даже заключающие в своих внутренних пространствах маленькие картины, исполненные самой тонкой кистью; затем большие миниатюры, изображающие или лик, более или менее сходный, апостолов или святых учёных богословов, или же какие-либо события из Ветхого и Нового Завета. Даже без этих роскошных украшений некоторые рукописи священных книг представляют изумительное совершенство каллиграфии. Таков, например, хранящийся в парижской национальной библиотеке за № 412 небольшой томик, в котором содержатся евангелия и Послания апостолов; почерк, всегда чрезвычайно четкий, в иных местах микроскопической величины. С таким же уважением каллиграфия относилась, в свою очередь, и к латинским переводам, и даже к переводам на новейшие языки Библии и духовных сочинений; в этом роде есть книги, не имеющие себе цены как по отчётливости текста, так и по изяществу помещённых в нём небольших картин.

По поводу перевода священных книг следует отметить следующий странный факт: еврейский оригинал этих книг имеется только в рукописях сравнительно новейшего происхождения. Уверяют, что самая древняя еврейская рукопись Библии не восходит далее X века нашей эры. Это справедливо может удивить того, кто не знает, что евреи, убеждённые в неизменяемости библейского текста, не оказывают никакого предпочтения старым экземплярам, в которых они не думают найти текст, менее изменённый рукой переписчиков. Они, говорят, даже уничтожали, или, по крайней мере погребали в складах, осуждённые на забвение экземпляры Ветхого Завета, где те нередко сгнивали, сделавшиеся вследствие дряхлости не годными к употреблению. Впрочем, у них память дополняла верность списков. Не один еврей знает наизусть большую часть, а иногда и весь Ветхий Завет.

Ученики Магомета несколько иначе выражают уважение к своей единственной священной книге, Корану. Они отыскивают его, поклоняются наиболее древним рукописям его. Есть одна копия Корана, как полагают, относящаяся ко времени, близкому к смерти Пророка; и, начиная с этого времени, известно много других копий, исполненных с религиозной тщательностью, или обыкновенными арабскими буквами, или же замечательного изящества буквами, известными под названием куфических.

Вообще, арабы, с тех пор как развилось у них литературное образование, отличались любовью к изящным книгам. У них образовалось много искусных каллиграфов, имена которых иногда сохраняла история, и списки которых пользовались заслуженной известностью на всем Востоке. Калиф Осман, третий преемник Магомета, занимался собиранием в одно целое разрозненных частей Корана; сверх того, он счёл своей обязанностью собственноручно написать несколько копий этого произведения. Эти экземпляры, числом четыре, были разосланы калифом по важнейшим городам мусульманской империи, где и сохранялись с величайшей тщательностью. Одна из этих драгоценных рукописей хранилась в Дамаске, другая в городе Марокко. Третья, посланная в Египет, находилась в числе сорока экземпляров Корана, заключённых в ящики жёлтого шёлка, которые султан Кансур-Гури приказал носить за собой, как талисманы, во время кровавой битвы, в которой Селим I (1516 г.) раздавил могущество мамелюков. Эти священные книги были потоптаны ногами и погибли в беспорядке и панике, следовавшей за поражением.

Все города мусульманского владычества имели свою библиотеку. Но многие причины способствовали уничтожению или рассеянию этих богатств: мятежи, войны, пожары и, больше всего, скорость, с которой в этих жарких климатах книги пожираются термитами и другими насекомыми.

У испанских арабов, кажется, по преимуществу была развита сильная любовь к книгам. Город Кордова отличался в этом отношении от всех других городов в стране; он долгое время владел четвёртой из написанных Османом рукописей Корана, о которых мы уже говорили выше. Имам читал её там внимательной толпе. Во времена своего процветания Кордова имела библиотеку в 400 000 томов, и в VI веке хиджры¹ число библиотек, открытых для публики в различных городах Испании, простиралось до семидесяти. Как не сожалеть, что такие сокровища почти все погибли во время войн, которые вели испанские христиане до совершенного изгнания племени завоевателей? Ныне англичане в Индии и французы в Алжире относятся с большим уважением к религии, языку и книгам своих нехристианских подданных.

Эти соображения напоминают нам о греческих и латинских книгах в средние века.

Языческая литература, хотя очень часто и приносимая в жертву духовной литературе, тем не менее имеет в наших библиотеках несколько рукописей редкой ценности. Например, шесть комедий Теренция, в очень древних рукописях, снабжены небольшими рисунками, которые, будучи помещены во главе каждой сцены, представляли взорам читателя фигуры, костюмы главных действующих лиц и определяли место, занимаемое ими на сцене. Одна из таких рукописей, не отличающаяся, правда, изяществом, но относящаяся, может быть, к VII веку, находится в парижской национальной библиотеке; есть подобная же рукопись в библиотеке Ватикана. Эти рисунки, очень наивные, почти грубые, имеют тем не менее большую цену для антиквариев. Учёная госпожа Дасье, переводчица Теренция, воспроизвела эти рисунки в своём издании этого поэта, но с посредственной верностью. Она могла бы найти другие, гораздо лучшие, в менее древних рукописях Теренция. Но там талант миниатюриста, мало заботившегося о местном колорите, без всяких обиняков одел действующих лиц латинского поэта французскими дворянами, кастелянами, кастеляншами, пажами прекрасных времён рыцарства.

Говоря правду, если миниатюра и обнаружила в средние века замечательные искусство и плодовитость, и если в её именно школе образовались, в XIV и XV веках, некоторые из учителей итальянской и фламандской школ, то во всяком случае не за верность костюма и характера действующих лиц она удивляет знатоков. В библейских миниатюрах Моисей и царь Давид, Соломон и пророки одеты не лучше римлян Теренция. Добрые намерения неведомых, но прелестных и скромных живописцев (тогда не было в обычае подписывать свои работы) заставляли извинять им многие оплошности и недостатки. На Востоке предание превратило некоторым образом в абсолютное правило метод, которому должны были следовать художники-миниатюристы, равно как и мозаисты при изображении главных лиц священной истории. Эти правила охраняли таким образом живопись от отступлений в духе нововведения, и сообщили работам художников особенную важность.

Воображение художников-каллиграфов на Западе также имело возможность разгуливать на полном просторе, когда дело шло об иллюстрировании фигурами трактата о зоологии или ботанике, трактата об охоте в лесу или с соколами. Описывая растения или животных, разумеется, не изменивших своего внешнего вида со времён глубокой древности до наших дней, можно выказать в большей или меньшей степени искусство, не впадая в ошибки насчет костюма, о которых свидетельствуют некоторые греческие или латинские рукописи, только что указанные нами. Но с этими замечаниями мы вступили на путь, на котором легко могли бы заблудиться, а потому вернемся к скромному каллиграфу, снаряды которого были описаны выше, и проследим дальше его судьбу в средние века.

---

¹ Хиджра (16 июля 622 года н. э.) – дата переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину. Поэтому в мусульманских странах календарь называют календарём Хиджры.

В папирусе и велене нередко ощущался недостаток в торговле с X века нашей эры. Но восточные же фабрики начали снабжать нас другой бумагой, изобретатель которой неизвестен; бумага эта общеизвестна под названием *charta bombycina*, так как хлопок служил главным материалом при её приготовлении. Эта бумага обыкновенно плотнее пергамента, отличается глянцеви́тостью и удобна для писания самым мелким почерком. В больших библиотеках есть сотни томов на бумаге такого сорта. Поэтому *charta bombycina* оказала неоценимую услугу литературе и наукам благодаря своему распространению в такое время, когда из двух других бумаг одна исчезла, а другая стоила очень дорого.

Эта дороговизна письменного материала благоприятствовала стремлениям сделать почерк более мелким, сжатым. Так называемые уставные буквы мало-помалу вышли из употребления и попадались только в роскошных книгах. Их заменили более мелкие буквы, двойные (вязь); эти буквы отличаются изяществом, но тем более утомляют глаз палеографа (разбирателя старинных почерков), что они отличаются чрезвычайным разнообразием и нередко форма их зависит от личного вкуса переписчика. С вязью, представляющей собственно курсивный почерк, соединяются сокращения, превращающие иногда целое слово в один росчерк пера. Всё это дало возможность уписывать на одной странице то, что иначе заняло бы десять; большое сбережение бумаги, разумеется, но вместе с тем и значительное увеличение пытки при чтении, например, рукописей, предназначенных для торговли, или тетрадей с заметками, писанных учениками. Но раз это вошло в привычку (на что требовалось много времени), кажется, ни с чьей стороны не раздавалось жалоб.

Другим средством для ограничения расходов на бумагу служило употребление называвшихся тогда тироновских знаков, по-нынешнему – стенограммы.

Греки – может быть, а римляне – наверное очень рано употребляли знаки сокращений (*notae*) для записывания речей во время их произнесения. Рассказывают, что Ксенофонт, знаменитый историк и ученик Сократа, записал таким образом беседы своего учителя о нравственности и политике, которые он изложил затем в сочинениях, дошедших до нас. Вот другой, ещё более замечательный пример: сапожник Симон, у которого Сократ любил иногда непринужденно побеседовать с своими учениками, также придумал знаки, с помощью которых он сочинял, по весьма распространенной тогда моде, сократовские диалоги. Полагают, что некоторые из этих вещей находятся в диалогах, приписываемых Платону. У римлян честь изобретения первой системы знаков для такого употребления принадлежала отпущеннику и другу Цицерона, Туллию Тиرونу; таким образом эти знаки сохранили имя своего изобретателя. Сам Цицерон пользовался иногда этими знаками в переписке со своими друзьями. Не может быть сомнения, что в судах и в сенате секретари имели для своих услуг стенографов, которые назывались *notarii*. Очень низкая должность этих *notarii* мало-помалу приобрела большое значение. Из простых записывателей они превратились в секретарей в собственном смысле этого слова, затем в хранителей подлинных дел, и вот таким образом их название перешло к нам для обозначений очень почтенного класса общественных деятелей, нотариусов. С IV века после Р. X. стенографы, под только что объяснённым латинским названием, или под греческим названием тахиграфов (скорописцы), занимали видное место в канцеляриях Рима и Константинополя. Поэт Авзон в прелестных стихах воспел эту быстроту письма, лившегося столь же быстро, как и самое слово. Поэтому неудивительно, что до нас дошло несколько образцов этого письма, несколько судебных процессов, каковы, например, те, на которые нередко ссылаются Деяния мучеников. Но мы не можем не удивляться тому, что встречаются записанными тироновскими знаками и чисто литературные произведения, вроде речей Василия Великого, некоторые списки которых, греческими буквами, дошли до нас. Неужели ради того, чтобы набить себе руку, греческие переписчики делались без всякой пользы стенографами? Подобные книги, может быть, попадали в руки учеников-тахигграфов,

которые таким образом в короткое время узнавали значение знаков, сравнивая тироновский текст с тем же самым произведением, писанным по-латыни или по-гречески.

Легче угадать и понять, что стенография иногда оказывала плохие услуги ораторам и даже профессорам. Квинтиллиан, искусный ритор, жалуется, что часть его уроков, записанных таким образом, попала в руки публики благодаря нескромности учеников прежде, чем он успел исправить их. Говорят, подобное же неприятное обстоятельство случилось с одним христианским оратором. Иногда, впрочем, случалось, что рукопись истории до окончательного исправления её автором собственноручно, попадала к переписчикам и, благодаря нескромности их, распространялась среди публики. Диодор Сицилийский, написавший во время Цезаря и Августа (под названием «Исторической библиотеки») краткую всемирную историю, объявил в конце сороковой и последней книги, что несколько частей его труда были украдены у него, что они пущены в обращение в неверных списках и что он не желает принимать на себя ответственность за распространение таких списков. Сократитель Плиния Старшего, Солин, о котором уже было сказано выше, жалуется в предисловии к своему сочинению Polyhistor на то, что его небольшая книга пущена в обращение под названием Collactanea в очень искажённом списке; чтобы поправить зло, он должен был приступить к строгому пересмотру и новому изданию этого труда.

Глава IX. Книги в средние века

Извинение автора пред своими читателями за метод, усвоенный им в этой истории. – Произведение Плутарха о «Способе слушать». – Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплётчики и пергаментчики в Париже, в начале XV столетия. – Образование библиотек. – Роскошные книги для любителей и дешёвые книги для студентов как в древности, так и в средние века. – Новый толчок, данный книжной торговле изобретением тряпичной бумаги. – Предварительные понятия о происхождении и о первых опытах книгопечатания.

Старый профессор, беседующий с вами из глубины своего кабинета о предмете довольно серьёзном, по опыту знает, с каким уважением должно относиться к вниманию самого благосклонного слушателя или читателя. Есть много способов быть внимательным в аудитории. Приковываются страстно глазами и ушами; иногда слушают с большой холодностью; бывает, слушают и просто из приличия и ради того, чтобы не оказаться невежливым относительно того, чьи лекции слушают. Почтенный Плутарх, один из древних авторов, наиболее известных молодежи, написал несколько прелестных страниц о способе слушать, где он описывает все положения, которые может принимать ученик пред креслом учителя и где он даёт превосходные советы слушателям публичной лекции. То, что он говорит относительно лекций, которые слушают, не менее справедливо и для лекций, которые читают. Если внимание аудитории утомляется, то в этом виноват, несомненно, оратор столько же, как и почтенные люди, пришедшие к нему поучиться без излишнего утомления; и в них он должен поддерживать усердие, стараясь держаться на высоте их понимания. Успели ли мы в этом пред вами, дорогой читатель? Этого мы желаем больше, чем, может быть, надеемся.

Всякая история имеет свои тернии. Даже в самых прелестных странах большая дорога или железная дорога, если только существуют такие сколько-нибудь значительной длины, не всегда идут среди зеленеющих лугов или прелестных лесов; попадают болотистые пространства и однообразные равнины, и приходится выносить нагоняемую ими тоску. Мы, может быть, уже миновали несколько таких равнин и болотистых пространств. Но, слава Богу, мы добираемся до местностей, где нет недостатка ни в живописных местоположениях, ни в приятных сюрпризах на поворотах дороги.

Занявшись средними веками, которые нередко называют веками варварства и мрака, мы встретили уже и там больше света, чем надеялись. Ведь если наука тогда и сузилась, зато литература, и особенно поэзия не дремала. Когда работает человеческий ум, перо также живо следует за ним в его деятельности. Все теологи того времени, все ораторы, все поэты пользовались услугами целых легионов переписчиков и других работников, различным образом способствовавших производству книг. В XIV веке, в начале XV Франция была одной из стран, в которых наиболее процветало производство хороших и красивых книг. Каллиграфы, иллюминаторы, миниатюристы, переплётчики, переплётчицы, пергаментщики и т. д. составляли в Париже промышленные корпорации, пользовавшиеся известностью во всей Европе. Роскошь хорошо написанных, изящно украшенных и переплётённых книг была в моде у студентов парижского университета. Важные господа, принцы и некоторые из французских королей начинали уже составлять себе библиотеки. Существуют каталоги двух или трёх этих древних библиотек. Библиотека короля Карла V состояла почти из тысячи двухсот томов, – цифра значительная для того времени. Некоторые из этих томов существуют ещё и теперь и принадлежат к самым драгоценным сокровищам Французской национальной библиотеки, особенно если они сохранили свой старый переплёт с подписью короля, которому они принадлежали. Многие другие, не обладающие этим особенным достоинством, отличаются красотой велена, красотой почерка и многочисленными рисунками, которыми они украшены. Вообще, французские хранилища рукописей имеют большое число этих образцовых произведений промышленности, которая была по преимуществу французской и делает величайшую честь Франции.

Наряду с красивыми книгами не следует забывать книг более скромных, но более доступных по своей невысокой цене массе студентов и любителей. Уже в древности существовали книги дорогие и книги дешёвые; в руки школьникам не давали роскошных рукописей; существовали даже издания некоторых авторов столь дорогие, что любители, не имевшие средств для их покупки, пользовались ими только у книгопродавца за известную плату, в таких случаях лавка книгопродавца очень походила на нынешний кабинет для чтения. Найденные в Египте папирусные свертки могут нам дать понятие об этом. В числе свёртков, содержащих речи греческого оратора Гиперида, есть три очень красивых почерка, в которых столбцы отделяются большими полями. Папирус превосходного качества, ничего не было упущено для того, чтобы сделать чтение лёгким; четвёртый свёрток, содержащий надгробную речь, произнесённую тем же оратором в 323 году до Р. Х., имеет совсем иной вид: грубый папирус, небрежный почерк, множество описок, страницы отделены только чёрной чернильной чертой; пожалуй, можно бы даже подумать, что это работа какого-нибудь мемфисского или александрийского школьника, которому в наказание за какую-нибудь вину задали задачу переписать двести или триста строк греческого текста. Подобный же образец находится в числе рукописей на различных языках, оставшихся нам от средних веков; и ничего не может быть естественнее этого. В особенности в то время, до которого мы дошли в своей истории, торговые сношения, нередко расстраиваемые войной, должны были затруднять дела книгопродавцев и их сотрудников.

К счастью, открытие, о котором ещё не было сказано, способствовало понижению стоимости книг, может быть, уже в XIII и наверное в XIV столетии; открытие это – холщовая или тряпичная бумага; при этом мы разумеем холст или тряпки, превращённые в тестообразную массу; этого рода бумагу надо тщательно различать от холста, употреблённого для письма в виде ткани (*libri lintei*), о чём было уже сказано выше.

С точностью не известно ни время, ни место изобретения бумаги из тряпичного теста, ни какому искусному человеку следует приписать это изобретение. Но оно, несомненно, способствовало распространению книг в конце средних веков: а впоследствии оно сделало

возможным замену труда переписчиков печатным станком, т. е. сделало возможным искусство книгопечатания, о котором мы и будем говорить теперь.

Думали ли вы когда-нибудь, сколько изобретательности, замысловатости предполагает это искусство? У вас, может быть, бывал в руках игрушечный типографский прибор, в котором типография приведена к самым простейшим элементам её и освобождена от всех осложнений, накопившихся в четыре века. Даже во всей его простоте сравните этот печатный станок, представляющий не более, как игрушку, с древней каллиграфией, с орудиями и материалами, которыми она располагала, и вы увидите, как велик гений Гутенберга и какое громадное расстояние он должен был перешагнуть между старыми приёмами и новым приёмом, изобретателем которого был он.

Чтобы напечатать страницу книги, подобной тем, которыми мы располагаем ныне, нужны: 1) буквы, вырезанные или вычеканенные на твердом металле; 2) чернила, которые могли бы приставать к буквам и чрез их посредство отпечатываться на каком-либо веществе, могущем воспринимать чернила; 3) это последнее вещество; 4) орудие для того, чтобы наложить чернила на все буквы; 5) другое орудие, чтобы прижать их к печатаемой поверхности.

Из этих пяти элементов древняя промышленность знала только первый; идея второго не была для неё чужда, но она не думала соединять с ними три других.

Дело вполне заслуживает того, чтобы мы объяснили его подробно.

Нет почти музея, в котором вы не видели бы бронзовых печатей, с помощью которых отпечатывали или на мягкой глине, или даже на металле, более мягком чем бронза, собственные имена, а иногда то, что ныне называется фабричными марками. В кабинете медалей парижской национальной библиотеки находится кусок серебристого свинца, добытый римлянами из рудников в Испании за сто лет до христианской эры; на этом куске отпечатаны крупными буквами имена двух предпринимателей разработки рудников. Некоторые отпечатки на древних вазах заставляют даже подозревать, что печать представляла собой не один предмет, а состояла из отдельных букв, так что получался инструмент, похожий на называемый ныне компостером. Несколько примеров этого рода мы видим на ручках больших vaz из терракоты, происходящих из древней Греции. Вы, конечно, не забыли ещё, как читали выше, что некоторые вавилонские кирпичи², относящиеся к десятому веку до нашей эры, имеют клинообразные тексты, отпечатанные на мягкой в то время земле с помощью деревянной дощечки, на которой они были вырезаны рельефно. В луврском музее есть несколько таких кирпичей.

Наконец, самая чеканка монет знакомила народы древнего мира с обычаем переносить посредством давления фигуры и буквы азбуки с более твёрдого вещества на вещество более мягкое.

Что касается краски, то вот удивительный анекдот, относящийся к четвёртому веку до Р. Х. Один греческий генерал, собираясь дать сражение, захотел внушить уверенность своим войскам предсказанием верной победы по внутренностям жертв. Он написал на ладони одной из своих рук слово *Nika* (победа) и написал его наоборот; затем, опершись этой рукой на печень жертвы, он берёт её в другую руку и показывает своим солдатам слово *Nika*, отпе-

---

² Эти глиняные документы с клинообразными надписями, в особенном изобилии откопанные в 1874 году, открывают перед нами общественную и частную жизнь древнего Вавилона. Между прочим, при раскопке одного надгробного кургана найдена масса глиняных пластинок, ясно свидетельствующих о существовании в Вавилоне обширной торговой фирмы, вроде нынешних Ротшильдов, управлявшей всеми финансовыми операциями ассирийской столицы и имевшей, по-видимому, на откуп все подати и налоги. Из найденной любопытной росписи налогов древнего Вавилона видно, что подати платились с земли, со сбора фиников, с жатвы, со стад. Из написанных на пластинках жалоб и просьб мы узнаём, что сборщики податей тех времён действовали иногда очень жестоко при исполнении служебных обязанностей. Так, на одной клинообразной надписи кто-то просит не облагать его до того тяжкими податями, что он не в силах уплачивать их. Вообще, нужда давала себя знать в Вавилоне точно так же, как и в наше время, и люди, жившие за 2 500 лет до христианской эры, волновались такими же чувствами и мыслями, как и мы. *Примечание переводчика.*

чатанное и читаемое слева направо. Для нас всё равно, удалась ли эта уловка; но она указывает нам, конечно, на первую идею печатания.

Идея рельефных букв и идея красящего вещества навели на мысль об окрашивании другого вещества. Папирус, тонкий и хрупкий, что мы видим по многочисленным дошедшим до нас его образцам, был негоден для этого; он оказывал бы слишком малое сопротивление руке или инструменту, которыми стали бы нажимать на страницу. Пергамент обладал противоположным недостатком. Не было чернил для этого. Чёрные чернила, состав которых на самых древних известных рукописях определён химическим анализом, представляют собой простую смесь сажи с водным раствором камеди; они плохо приставали к буквам, посредством которых должны были переводить их на бумагу.

Теперь вы видите, что оставалось сделать гению Гутенберга и его товарищам, чтобы устроить хотя бы маленький станок, которым нынешний школьник, забавляясь, отпечатывает несколько строк.

Даже для изобретательного ума остававшееся сделать не могло быть делом одного дня: потребовалось много времени, много исследований, много дорогих опытов и движений ошупью.

Хотя прибор с металлическими подвижными буквами, может быть, и очень древнего происхождения, но не он первый пришёл на мысль. Начали с того, что стали вырезать страницу письма на поверхности деревянной дощечки или таблички, так что буквы выходили выпуклыми и в обратном виде, и, следовательно, всю страницу на доске надо было читать справа налево. На эти буквы катком наводили чёрные чернила, приготовленные особым способом, как это делают ещё и ныне при гравировании на дереве; на доску накладывали лист бумаги, достаточно плотной и достаточно тонкой, чтобы не разрываться под усилием известного давления. Давление производилось сначала посредством мацы³, а потом посредством винтового пресса, машины довольно простой. Такой способ, по-видимому, практиковался во Фландрии за несколько лет до того, как Гутенберг устроил в Майнце заведение, из которого вышла типография в собственном смысле этого слова. Искусство Гутенберга скоро превратило вырезанные страницы в подвижные буквы, которые сначала делались из дерева, а потом из металла. Затем, так как было очень долго готовить буквы по одной штуке, то вырезали их на очень твердом металле; с помощью этих букв получали, как при чеканке монеты, на металле более мягком, во вдавленном виде, целую форму каждой из букв азбуки; оставалось только наливать в эти ямочки, называемые матрицей, жидкий металл, для того чтобы получить по своему желанию тысячи букв, которые и раскладываются по отделениям кассы. Оттуда наборщику остаётся только брать их и класть в верстак, а затем распределять строки в равном числе для получения страниц. Эти свёрстанные страницы, вставленные в рамы и заключённые в них, составляли две формы: одну для лицевой страницы, а другую для обратной страницы; затем их ставили под пресс так, чтобы получить оттиск последовательно на обеих сторонах бумаги; затем лист складывали вдвое, вчетверо, в восемь раз, и таким образом получали тетради *in-folio*, *in-quarto*, *in-octavo*. Вот каким образом создана была типография.

---

³ Маца – (ит. *mazzo*). В типографии: кожаная подушечка с деревянной рукояткой для набивания краски на набор; ныне заменена роликом, катушкой.

Часть вторая

Глава I. Первое время книгопечатания

Переворот, произведённый в жизни цивилизованных народов буссолью, порохом и книгопечатанием. – Фабрикация бумаги в Китае. – Почему книгопечатание в этой стране не пошло дальше табличного способа. – Изобретение Гутенберга находится сначала в подчинении каллиграфии. – Новые типографские литеры. – Успехи в приготовлении печатных книг. – Обнародование древних рукописей.

Типография появилась, как мы уже сказали в предыдущей главе, между 1440 и 1450 годами нашей эры.

Два других, предшествовавших этому, изобретения должны были произвести переворот в жизни цивилизованных народов. Буссоль, управлявшая на море движениями мореходов, сделала возможными морские путешествия на большое расстояние от берегов, за океан; она подготовила открытия, подобные открытию Америки Христофором Колумбом, а со стороны Востока она открыла мореплавателям путь в Индию и Китай. Порох, в первый раз будто бы появившийся в Европе в битве при Креси, должен был изменить строй армий, способы обороны и нападения на укрепленные места.

Но замечательно, что относительно этих трёх изобретений Европу опередил один из народов крайнего Востока. Уже за много веков до этого китайцы знали и пользовались при направлении путешественников свойством магнитной стрелки направляться на север; они имели взрывчатый порох, похожий на наш; за несколько до этого веков они знали и пользовались книгопечатанием.

Не будем слишком гордиться нашими талантами и нашим знанием. Во многих вещах китайцы опередили нас; а в некоторых они и теперь ещё превосходят нас. Их литература, изумительно плодovitая, очень рано нашла орудия, которыми и пользовалась для увеличения количества книг. В Китае приготавливали бумагу различного размера и толщины из бамбукового стебля, из рисовой соломы и из некоторых других растительных веществ. Китайцы также очень давно уже пользовались старой негодной бумагой для приготовления бумаги худшего качества, как это делается и у нас. На листах писчей бумаги кисточка переписчика выводила буквы редкого изящества: каллиграфия в Небесной империи не представляла собой только ремесло нескольких тысяч человек ремесленников или артистов; это искусство входило в состав воспитания на всех его ступенях и во всех классах общества. Всякий грамотный человек, а уж тем более писатель представляет собой в то же время и каллиграф. Открытое, точно не известно кем и когда, но, наверное, в первые века нашей эры, книгопечатание, несмотря на особенную любовь китайцев к искусству каллиграфии, нашло себе хороший приём у всех людей, покупавших или читавших книги в громадной империи, население которой достигло уже 300 000 000 душ. Но только книгопечатание всё ещё остается там верным табличному способу, и вот почему. Китайская письменность не имеет азбуки, как наша; для образования слова у китайцев элементарные знаки или ключи чаще всего нанизываются друг на друга и переплетаются, а не становятся рядом один за другим, как у нас ставятся одна за другой буквы азбуки. Следовательно, для воспроизведения страницы на китайском языке, гораздо удобнее и легче вырезать её на дереве, чем употреблять подвижные буквы. Эту гравёрную работу китайский рабочий выполняет с изумительной ловкостью, верностью руки и быстротой. Поэтому, хотя китайцы и знали в XI веке употребление подвижных букв, но всегда предпочитали табличный способ, вполне удовлетворявший потребностям изуми-

тельно деятельной производительности. Чтобы дать вам об этом понятие, достаточно сказать, что в главных городах этой страны уже более десяти веков⁴ печатаются многочисленные сочинения всякого рода; что в Пекине издаётся Имперская Газета и что иная китайская энциклопедия, составленная только из извлечений из различных авторов, содержит в себе до тысячи томов.

В Европе, даже после перехода от табличного способа к употреблению подвижных букв, искусство типографика долго оставалось близким к искусству переписчика. Чего же он добивался вначале? Подражать письменности рукописей, изображать её с достаточной верностью, одним словом, подделывать её настолько хорошо, чтобы читатель мог ошибиться. Поэтому первые печатные произведения были подделками, и хотя секрет книгопечатания сделался общеизвестным, хотя общее изумление приветствовало Гутенберга и его учеников, искусство переписчиков не сложило своего оружия пред этой искусной конкуренцией; оно продолжало производить прекрасные рукописи, находившие покупателей. Впрочем, сам типографик для окончания своей работы нуждался ещё в руке каллиграфа: он не мог сначала воспроизводить с помощью букв и печатного станка заглавных букв красными или синими чернилами, какие обыкновенно ставили в начале книг и глав. Ещё меньше он мог сделать арабески, раскрашенные рамки, как на копиях, писанных пером. Для всего этого он нуждался в каллиграфе. Благодаря этому союзу двух искусств, печатные произведения до конца XV столетия имели внешний вид, очень похожий на внешний вид рукописей; печатаемые в очень ограниченном числе экземпляров и очень медленно получая свой окончательный вид, они не скоро могли понизиться в стоимости до умеренных цен.

Мало-помалу, однако же, типография освободилась от рабства, препятствовавшего быстроте её работы. Она перестала рабски копировать фигуру букв, употребляемых переписчиками. Печатные буквы получили форму, отличную от той, какую они имели на письме, и глаза, читавшие бегло печатное, как мы это видим ныне, должны были приучаться читать почерк рукописей. В то же время типографщики перестали ставить свою подпись и время печатания на последней странице каждого тома внизу; они стали ставить их на первой странице в виде особого заголовка. В скором времени за этим заголовком начали ставить ещё предисловие, в котором излагали происхождение печатаемой книги, хлопоты, с которыми было сопряжено составление и печатание её. Более и более занятый материальным выполнением, совершенствовавшимся с каждым днём, типографик должен был приглашать к себе на помощь учёного по профессии, грамматика, который был издателем, обязанным выбирать наиболее точные рукописи, раздавать их наборщикам, поправлять корректуру, т. е. пробные оттиски, на которых было можно, при внимательном просмотре, отмечать ошибки, сделанные наборщиком при наборе и расстановке букв, – ошибки, которые типографик, в свою очередь, обязан был исправить до окончательного печатания. Филолог-издатель также получил свою долю выгод и почестей в занятии новым искусством.

Каковы были эти первые шаги и успехи, вы увидите и будете удивляться, что они были так быстры. И действительно, они были так быстры, что во время Медичисов в Италии⁵ книгопечатание достигло совершенства, которое во многих отношениях не превзошло и наше время.

Многознаменательное событие, возрождение древних наук, сильно способствовало этому благодетельному перевороту.

---

⁴ Историки утверждают, что книгопечатание было в употреблении в Китае уже в 933 году.

⁵ В Италию книгопечатание было занесено в 1464 году тремя юношами: Конрадом Швейнгеймом, Арнольдом Паннарцом и Ульрихом Ганом, учениками типографии Фауста и Шеффера, в Германии. Они должны были бороться с крайней нуждой и преодолеть громадные затруднения, потому что в Италии любовь к собиранию древних рукописных книг была такой, что многие предпочитали рукописные книги печатным. Тем не менее новая промышленность распространилась быстро и в 1490 году типографии уже существовали более чем в тридцати городах Италии.

Уже с давнего времени на Западе обнаруживалась сильная любознательность относительно образцовых произведений греческой и латинской древности. Взятие турками Константинополя в 1463 году сообщило новый толчок этой деятельности умов. При виде в руках неверных наиболее богатейшего из греческих городов, заключавшего в себе величайшие литературные сокровища, почувствовали наибольшую охоту собирать книги, которым угрожала опасность от мусульманского варварства. Греки, бежавшие в Италию и Францию, возбудили всеобщее сострадание к своим соотечественникам, удвоили любовь к изучению их родного языка. Они привезли с собой много рукописей; некоторые из них, в том числе Иоанн Ласкарис, были отправлены на Восток за другими рукописями. Владетельные особы спорили в соревновании с лицами, дававшими место в своей библиотеке этим литературным сокровищам. Типография поспешила воспроизвести труды греческих классиков, избегнувшие стольких бедствий. Даже латинские классики, менее забытые и чаще воспроизводимые западными переписчиками, не безнаказанно пережили многие века и подверглись многочисленным шансам совсем погибнуть. Пора уже было книгопечатанию спасти обломки от всех этих крушений. Иной древний писатель существовал не более как в одной рукописи, да иной раз и эта рукопись не переживала издания, воспроизводившего её текст; это именно и случилось с Веллеем Патеркулом, изящным сократителем римской истории. Поэтому первые типографщики, равно как папы, владетельные особы, частные лица, поощрявшие их труды, имеют полное право на нашу вечную признательность за услуги, оказанные ими человеческому знанию.

В то же время умножались как латинские переводы произведений, писанных на греческом или на восточных языках, так и переводы на новейшие языки многих оригинальных сочинений. Искусство комментирования, дополняя искусство переводчика, выставило в более ярком свете иные произведения учёных и философов древности, которые уже давно читались без правильного понимания их. В этой многочисленной семье типографщиков и учёных периода Возрождения были люди с большим талантом, героические характеры по своей преданности науке. Немного учёных, пользующихся с большим правом знаменитостью, чем Альд Мануций в Италии, чем Роберт и Генрих Этьенн во Франции. Самые скромные труженики в этом обновлении знаний трогают нас своим простодушным жаром и своим бескорытием. Например, нельзя читать ныне без душевного волнения в первом изданном во Франции учебнике греческого языка (*Liber gnomagyricus de Francois Tissard*; печатана у Gilles de Gourmont, 1507), рассказ о мучениях и расходах, которых он стоил издателю; горячие мольбы, с которыми он обращается к студентам, чтобы пробудить в них прилежание и получить от них средства на продолжение своего труда. Иные деятели этой славной истории нашли себе достойных биографов; известный французский типографщик Фирмен-Дидо с большим знанием дела описал жизнь Аль да Мануция; ещё недавно один молодой историк Васт рассказывал нам по-латыни историю Иоанна Ласкариса, бывшего поставщиком для библиотеки Медичисов и для библиотеки французского короля Франциска I; он написал также с любопытными подробностями историю грека Виссариона, его усилия в пользу соединения обеих, восточной и западной, Церквей, его более существенные работы, благодаря которым Виссарион, сделавшись кардиналом римской церкви, был самым деятельным сподвижником возрождения греческой литературы в Италии⁶. Он дал нам возможность оценить необыкновенные богатства библиотеки, составленной этим учёным мужем. Но остаётся ещё нарисовать общую картину столь памятного движения. Известный автор «Путешествия Анахарсиса», аббат Бартеlemi, поставил задачей описать блестящий период, во время которого, под влиянием просвещённых государей, книгопечатание получило толчок и рас-

---

⁶ Его библиотека в 30 ящиков, содержащих 400 томов, досталась Венеции и послужила первым зародышем для основания знаменитой библиотеки Святого Марка.

пространило в целых тысячах экземпляров столь ещё редкие тексты древних классических авторов. Пожелаем же, чтобы нашёлся другой человек, который овладел бы работой во всей её совокупности и полноте, – работой, интерес и серьёзное значение которой мы могли здесь определить лишь в очень немногих словах.

Глава II. Успехи и различные судьбы книгопечатания

Общий обзор. – Чудесное приписывается к истории всякого великого изобретения. – Мнимо-божественное происхождение рун у скандинавских народов. – Книги, приписываемые египтянами богу Тоту. – Предания о сверхъестественном происхождении санскритского языка. – Книгопечатание вначале считается делом колдовства. – Гравюра на дереве. – Газеты. – Покровительство высоких особ не всегда обеспечивает свободу авторов.

Великие изобретения признательностью народов охотно приписываются какой-либо сверхъестественной причине. Греки приписывают богу Аполлону, Мнемозине, богине памяти, и Музам, её дочерям, изобретение музыки, искусства стихосложения и истории.

На другом конце Европы, самая древняя, употребляемая у скандинавов письменность, руническая, приписывается ими богу Одину, которого они считали также и отцом их племени. Хотя и встречаются сотни надписей руническими буквами на скалах Норвегии, Швеции, Дании и даже в различных странах, куда норманнские пираты делали свои набеги, но значение этих букв очень рано утрачено, и суеверие не раз приписывало им волшебный смысл.

Египтяне приписывали изобретение письма своему богу Тоту или Теуту, – Гермесу греков и Меркурию римлян. Они предполагали, что это таинственное лицо сочинило целую кучу наук, одни говорят в 36525 книг, а другие – в 20 000 книг. Один древний писатель утверждает, что он знает 1200 гермесовских произведений об одной только истории богов. От этой, по правде сказать, баснословной энциклопедии в III веке нашей эры оставалось только сорок две книги, сохранявшиеся с религиозным уважением в египетских храмах. Точно так же, в своём поклонении прекрасному языку браминов, старшему брату большей части наших европейских языков, индийцы рассказывали, что правила этого языка были некогда изложены богом Брамой в миллионе слок или двестишестидесяти тысяч, следовательно, в двух миллионах стихов; что другой бог, Индра, сократил их в 100 000 слок или 200 000 стихов. Лицо менее баснословное, грамматик Панини, сократил это первое сокращённое руководство до 8 000 слок или 16 000 стихов. Третье сокращение привело это удивительное учение к более скромным размерам, в каком виде оно и сохранилось до нас. Эти цифры и эти предания дают вам понятие о преклонении прежних людей пред благодетелями человечества.

Когда было изобретено книгопечатание, свет был уже слишком стар, чтобы у нас могло оставаться место для подобных басен. Говорят, что суеверный ум нынешних французов встретил сначала с недоверием первых учеников Гутенберга, перенёсших во Францию своё ремесло в 1470 году: книгопечатание казалось делом колдовства, и на этом основании едва не было осуждено формальным приговором парижского парламента; лишь только благодаря здравому уму короля Людовика XI оно получило законное право на существование и пользовалось его покровительством; король Людовик XII идёт ещё дальше: в своём указе от 9 августа 1513 года он, далеко не считая типографшиков служителями сатаны, называет «искусство и науку тиснения изобретением более божественным, чем человеческим». Французский король не один говорил в то время подобным языком; вообще, не обоготворяя изобретателя, как это делалось в языческой древности, прославляют на все лады, в стихах и в прозе, чудо,

сотворённое его гением. Это было лишь должной данью справедливости; вы это увидите из последующих успехов, о которых мы и будем теперь беседовать.

С книгопечатанием идёт об руку гравюра. Собственно говоря, последняя опередила книгопечатание на несколько лет, так как те деревянные доски, на которых вырезали целую страницу букв и фигур, чернили их чернилами и получали оттиск на бумаге, представляют собой настоящие гравированные доски, откуда произошло и самое слово ксилография (резьба на дереве). Но кажется вполне достоверным, что эта промышленность существовала в Голландии уже в начале XV столетия. Лоренц Костер напечатал в Гаарлеме (в 1430 году) картины с приложением легенд, следовательно, почти за двадцать лет до Гутенберга и его двух сотоварищей. Скоро начали делать нарезки на металлической доске. Гравюра и типография естественно соединились вместе для печатания книг с рисунками. Таким образом, произведения, в старину раскрашенные рукой писцов и рисовальщиков, стали раскрашиваться рукой гравёров и типографчиков; таким образом распространилось употребление штемпелей, заменивших подпись типографов, виньеток, заглавных или титульных листов, затем всякого рода рисунков, которые или на отдельных страницах или внутри текста служили для большего объяснения последнего и удваивали его пользу, в особенности в математических сочинениях или в естественной истории, а также в произведениях, касающихся различных методов рисования. Тут, как и во всяком деле, первые опыты были грубы и несколько наивны; затем исполнение усовершенствовалось, и в XVI столетии оно уже не было недостойно великих артистов, архитекторов, скульпторов и художников, имена которых прославлены множеством образцовых произведений.

Здесь уместно будет указать на имена некоторых людей, которым книгопечатание и гравюра много обязаны своими успехами. Жоффруа Тори, как грамматик и как типограф, введший во французский язык несколько новых практических приёмов, родился в конце XV столетия и умер около 1554 года. Весьма искусный гравёр, он в последние годы своей жизни занимался исключительно гравёрным искусством, в особенности же иллюстрированием виньетками, заглавными буквами книг, изданных другими типографами. Ещё более известен Жан Кузен. В скромном звании живописца образов он обнаружил разнообразные таланты скульптора, архитектора, художника и гравёра, но как гравёр он в особенности заслуживает внимания. Разве не интересно узнать, что человек, которого иногда ставили наряду с Микеланджело, рисовал и нередко гравировал сам, почти всегда без своей подписи, фигуры в следующих печатных произведениях: *Livre de perspective*; *l'Eloge et le tombeau de Henri II*; *le Livre des coutumes de sens*; и наконец, *le Livre de la lingerie, enrichi de plusieurs excellents et divers patrons*.

Эту изумительную деятельность артиста по всякого рода работам можно сравнить только с деятельностью его современника философа и типографа Генриха Этьенна.

Но не одна Франция представляла в то время такие примеры. Знаменитый Гольбейн украсил фигурами, особенно ценными знатоками, одно издание «Похвалы глупости» его друга Эразма, и «Анатомию» Везаля, не считая знаменитой серии рисунков, изображающих так называемую «пляску мёртвых».

С самого начала ксилографический рисунок шёл об руку с трудами первых типографов. Но ксилографы XV века были не более как простыми работниками; в XVI веке мы видим уже между ними артистов, и даже гениальных артистов.

Самая гравюра, как мы это видим, получила определённую роль и воспроизводила или портреты и картины, или целые серии рисунков, составлявших сами по себе отдельные тома, каковы, например, географические карты и планы, на которых целыми сотнями изображены типы медалей и монеты, портреты знаменитых личностей, анатомические фигуры и т. д.

Но история гравюры сама по себе может составить предмет особого сочинения, которого мы не можем набросать здесь даже в общих чертах. Возвращаясь и ограничиваясь типо-

графским книгопечатанием, мы не можем не сказать, что нельзя вспомнить без глубокой признательности к изобретателям книгопечатания о многочисленных благодеяниях, оказанных ими цивилизованным народам. В числе работ мысли сколько есть таких, которые оно улучшило, сколько других, которые оно одно сделало возможными!

Например, бросьте взгляд на древний географический трактат, как, например, трактат Птолемея, в котором положение мест определено пересечением долгот и широт: вы увидите там тысячи цифр, которые рука переписчиков должна была нередко изменять и которые, будучи раз поставлены после тщательной проверки, при печатании подвергались лишь редким случайностям. То же самое должно сказать и о геометрических книгах, в которых около фигур поставлены буквы, на которые ссылается текст, и где малейшая ошибка в этих ссылках может сделать доказательства непонятными. Астрономические таблицы, таблицы логарифмов, если бы воспроизводились только одними переписчиками, пестрели бы многочисленными ошибками. Древние, как мы уже видели, имели толковники (*glossarii*) и словари (*lexicae*), которые, однако же, нельзя сравнить по верности воспроизведений и удобствам, представляемым ими для читателей, с нашими новейшими словарями. Сокровище греческого языка, 4 тома *in-folio*, изданное в 1572 году французским филологом и типографом Генрихом Этьенном, было бы трудом почти невозможным до Гутенберга. Ни одна рукопись не могла достигать, и в особенности сохранять долгое время, при многочисленных переписываниях, степень точности и ясности, возможных при типографском способе воспроизведения книг. Оглавления к учёным и историческим книгам, столь облегчающие отыскание какого-либо нужного места в книге, были почти неизвестны древности, ныне же они составляют обычное дополнение в тексте автора. Обычай прилагать к книге оглавление или *index* установился в конце XV столетия; можно указать на такой *index* в большой, изданной Альдами, книге, представляющей чудо богатства и точности (*Thesaurus Cornucopiae*. Венеция, 1513 года).

Другое затруднение для древних писателей, особенно для историков, представляла почти полная невозможность дополнять свои рассказы ссылками на книгу и на страницу авторов, которыми они пользовались: это слишком увеличило бы объём рукописей и создало бы для переписчиков много трудностей; поэтому примечания заменяли отступлениями, или вносными словами, слишком часто вредившими ясности изложения. У нас примечание, вынесенное на поле или вниз страницы, позволяет учёному читателю делать справки, когда ему вздумается, и не причиняет никакого беспокойства заурядному читателю, ищущему только приятного и поучительного чтения. Краткое изложение содержания каждой части книги, поставленное на полях, поставленные наверху страниц заголовки, перемежающиеся с переменной содержаниями, также представляют важные удобства. С успехами цивилизации число книг всякого рода умножается до бесконечности; но, к сожалению, дни не удлинились ни на одну минуту и наиприлежнейший из людей должен беречь своё время и щадить свои силы. Цицерон писал в своё время: «Если бы моя жизнь продлилась вдвое дольше, то и тогда мне всё-таки не хватило бы времени на прочтение... (угадайте, чего?) на прочтение лирических поэтов». Следовательно, их было уже много. Но сколько отпрысков было в течение тысячи девятист лет у одной этой отрасли поэзии, а сколько ещё других отраслей было плодородных вокруг этой. Что сказал бы ныне великий писатель, оратор и немного поэт (Цицерон писал очень красивые стихи), что сказал бы он во время Людовика XIV, если бы имел возможность войти в библиотеку кардинала Мазарини, в библиотеку Кольбера, или в библиотеку какой-либо из учёных французских духовных конгрегаций, наконец, в королевскую библиотеку, которая уже начинала тогда опережать другие библиотеки числом и великолепием своих богатств? Он увидел бы там установленными длинными рядами, кроме томов, оставшихся от его произведений и других сочинений, ускользнувших от великого крушения древности, может быть, сотню тысяч томов науки и новейшей литературы, напечатанных с

большей или меньшей роскошью и тщательностью, но легко могущих одним своим числом смутить до некоторой степени самую трудолюбивую любознательность.

И действительно, книгопечатание не только облегчило, улучшило, преобразовало приготовление книг; оно сделало возможными издания, о которых наши отдаленные предки не могли иметь даже понятия. Таковы сборники хроник, хартий и дипломов, мемуары академий и учёных обществ, объёмистые биографические словари, из которых каждый состоит из десяти, двадцати, тридцати томов in quarto или in-folio и которые, наверное, никакая армия переписчиков или каллиграфов не была бы в состоянии переписать и пустить в обращение в достаточно большом числе экземпляров для удовлетворения потребности учёного мира.

Другое нововведение, сделавшееся возможным только благодаря одному книгопечатанию, представляют журналы и газеты, по крайней мере в той форме и распространении, какое они получили с XVII века.

Римляне, при империи и даже во время республики, имели ежедневную газету с официальными объявлениями; об этом мы уже говорили выше. Но хотя название и самое дело восходят к такой далекой древности, газетная деятельность в собственном смысле этого слова составляет совершенно особую и совершенно новую форму литературы. Редактор древнеримской газеты Acta Populi Romani мог распространять свою газету в 500, самое большее в 1000 экземпляров, тогда как книгопечатание дало возможность распространять газеты быстро в целых тысячах экземпляров! Во время экспедиций в Италию французского короля Карла VIII, бюллетень походов и побед французской армии, нередко доставлявшийся двору через Альпы, печатался в типографии и распространялся на листках, печатавшихся готическими буквами; несколько экземпляров этих листков сохранилось донныне, и они недавно перепечатаны французом Де ла Пилоржери под слишком громким названием «Кампания и бюллетень великой итальянской армии». Но то были лишь очень слабые зачатки. В XVI веке утвердился этот обычай распространения новостей под рукой, которые появлялись обыкновенно не через одинаковые промежутки времени. И только в первой половине XVII столетия организуются настоящие учреждения гласности, издающие правильно, под различными названиями, ежемесячные или двухнедельные листки, а потом и ежедневные; они сообщали все новости, какие только могли интересовать публику, не задевая ни одной из государственных властей. Таковы были во Франции Mercure Francais, Gazette de France (1631 года), Muse historique или Gazette burlesque (последняя газета издавалась в стихах, собрание которых содержит не менее 400000 стихов в 3 томах), затем Journal des Savants, продолжающий выходить под тем же самым названием ещё и ныне и таким образом являющийся в своём роде старшиной всех своих собратий. В скором времени мы видим, что эти листки одинакового формата, с одинаковым заголовком, а иногда и соединённые вместе с одинаковой пометкой страниц, превращаются в очень толстые книги.

Но здесь будет кстати заметить, что одного условия для процветания недоставало литературе, а иногда и науке того времени, а именно свободы.

Многие владетельные особы любят писателей и учёных, покровительствуют и поддерживают их; Франциск I, король французский, жалует особый титул и привилегии Роберту Этьенну, которого он делает своим типографом. С того времени во Франции постоянно существуют королевские типографы. В течение даже нескольких лет их станки работали в Лувре, и оттуда вышло очень много очень красивых книг, между прочим – коллекций византийских летописцев. Эти красивые книги нередко получали прочные и блестящие переплёты. При дворе Медичисов и Валуа, впоследствии при Генрихе IV и его преемниках, процветала школа особенно искусных переплётчиков. Французская национальная библиотека владеет громадной коллекцией этих роскошных томов, в которых видны все тонкости вкуса. Но раскройте эти книги и, за редкими исключениями, вы найдёте впереди, или на последней странице, одобрение цензора. Хотя цензура и не всегда была правильно организована, тем

не менее издание книг подвергалось тщательному надзору; нередко оно испытывало на себе всю строгость судов, если автор касался политических или религиозных вопросов. Говоря короче, в то время не существовало такой свободы печати, какой мы пользуемся ныне.

Глава III. Книги анонимные и псевдонимы

Книги, приписываемые классической древности. – Сибиллины оракулы. – Мнимая переписка Сенеки с апостолом Павлом. – Апокрифические Евангелия. – Сатира Мениппа. – Провинциальные письма. – Комедия «Академики». – Шарлатанство учёных. – Литературные подделки Горация Вальполя, Мак-Ферсона и Чаттертона. – Пьеса, ложно приписанная Шекспиру. – Юний и автор Ваберлея.

Даже при своей узкой, подчинённой роли, издание газет оказало не одну услугу литературе. Газеты изо дня в день отмечали выход новых книг и имена их авторов; они пришли на помощь последним в деле обеспечения их права собственности на сочинения, появившийся за их подписью. Таким образом, книга, едва появившись, уже была рекомендуема вниманию её будущих читателей. Впрочем, уже официальное разрешение на её издание с точностью указывало время её появления, за исключением случаев подделки и обмана. В этом заключался важный успех, заслуживающий некоторого внимания.

Много книг во все времена обращалось в публике анонимными, т. е. без имени автора; многие выходили в свет под псевдонимами, т. е. под вымышленными именами. В политических и религиозных спорах, и даже в литературных, нередко автор какого-нибудь пасквиля охотно скрывал своё имя во избежание судебного преследования или ради того, чтобы возбудить любопытство публики, которую вообще завлекает аноним. Уже в древности встречаются примеры подобных хитростей, не всегда бывших невинными. Знаменитому историку Теопомпу злые языки приписали памфлет, касающийся соперничества Фив, Афин и Лакедемона. Иному писателю поддельватели приписывали некоторые, впрочем почтенные, произведения, от авторских прав на которые он отказывался. Почти все сборники писем, оставшиеся нам от греческой древности, носят вымышленные имена; таковы предполагаемые письма знаменитого полководца Фемистокла, Фалариса, тирана Агригентского, философ Диогена и Кратеса, комического поэта Менандра и т. д. Переписка Цицерона, по справедливости замечательная во многих отношениях, представляется первой, которую можно назвать безусловно достоверной. Сам Цицерон приготовил её к обнародованию при содействии Помпония Аттика, самого богатого и самого преданного из его друзей, который и сделался её издателем. После него этому примеру подражали нередко; но он не предохранил древнюю книжную торговлю от многих неожиданных сюрпризов обмана.

Христианское общество знало много случаев подобных обманов, приписывавших авторитету знаменитых имён произведения неведомого и не совсем почтенного происхождения (откуда происходит и самое название апокрифы). Таковы сборники сибиллиных оракулов, приписанных сибиллам или языческим пророчицам и предсказывавших главные события греческой и римской истории в связи с библейскими пророчествами. Такова поддельная переписка Сенеки-философа со св. апостолом Павлом. Многие апокрифические Евангелия, многие Деяния мучеников заключают в себе такие предания, которые, не будучи достоверными, вполне заслуживают того, чтобы сохранять их как интересные свидетельства нравов и состояния умов в христианском обществе первых веков нашей эры. Средние века оставили много произведений подобного рода, которые, благодаря неопытности первых типографов, были распространены без всякого критического исследования по библиотекам и поддельность которых признана лишь впоследствии. Но в средние века появлялись также хроники, теологические трактаты, душеспасительные книги без обозначения имени автора:

или по беспечности, или вследствие скромности. Без всякого сомнения, именно по скромности автор «Подражания Иисусу Христу» не оставил нам своего имени и до сих пор ещё остаётся неизвестным, несмотря на постоянно возобновляемые усилия открыть его.

Новейшие подделыватели находили также, и очень часто, типографов, соглашавшихся быть соучастниками в их обманах, иногда невинных, если дело шло о простой игре ума; иной же раз опасных и преступных, когда дело шло о более важных интересах религии, нравственности и государства. Во Франции, во время Лиги, появилась в такой форме «Сатира» Мениппа, составляющая один из исторических документов и один из памятников французской литературы. Во время войн Фронды Париж и почти вся Франция были наводнены анонимными или псевдонимными пасквилями, вышедшими из тайных типографий; страсть и ненависть не знали предела, и лишь в редких случаях искупались умом и красноречием, как у авторов «Мениппеи». Под твёрдой рукой управления Людовика XIV, сделавшегося настоящим королём после смут, происходивших в его детстве, свобода писания, строго ограниченная во Франции, укрылась вне её пределов; Швейцария, и особенно Голландия предоставляли свои станки к услугам свободных писателей всех партий, которые широко пользовались ими.

К числу произведений, вышедших под псевдонимами и нашедших способы к напечатанию и распространению во Франции вопреки цензуре, принадлежат знаменитые «Мелкие Письма», или, как их долго называли, «Письма к провинциалу» или «Провинциальные Письма». Автор этих писем, знаменитый геометр Блез Паскаль, скрыл своё настоящее имя под псевдонимом Луи де-Монтальта; вскоре после своего выхода они были переведены на латинский язык под другим псевдонимом, Петра Вендрока, другом автора, теологом и моралистом Николем.

Были во Франции и другие подобные же произведения, хотя и менее наделавшие шума, но одно время пользовавшиеся популярностью; например, «Письмо парижского буржуа о Сиде» Корнеля. Это письмо играет важную роль в большом литературном споре, возбуждённом наиболее древним образцом французской драмы.

Немного лет спустя труды французской Академии, тогда ещё только возникавшей, были осмеяны в комедии или фарсе «Академики», который в продолжение десяти лет ходил по рукам в рукописных списках и наконец был напечатан в 1650 году, но без имени автора и типографа.

В XVIII столетии из французских писателей более всего злоупотреблял анонимами и псевдонимами Вольтер, ради того, чтобы поиздеваться над читателями, или для того, чтобы избежать строгостей полиции за невоздержность едкой сатиры. Он то признавал своими безымянные произведения, то упорно отказывался от них, смотря по своему капризу и требованиям полемики, занимающей столько места в жизни этого писателя.

Раз Вольтер сам вдался в обман подобного рода, и притом в деле весьма важном. По рукописи, хранившейся в королевской библиотеке, он познакомился с изданным одним миссионером произведением, под названием Эзур-Вейдам, в которое были введены некоторые библейские идеи, в видах сравнения браманизма с христианской религией. Он несколько раз цитировал эту книгу, между прочим в главе IV своего «Опыта о нравах», считая её за произведение древнего индийского мудреца, жившего ещё до завоевания этой страны Александром Македонским. Название Эзур-Вейдам не что иное как искажённое слово Яджур-Веда, означающее по-санскритски один из сборников священных гимнов индийцев. Теперь уже доказано, что это не более как подделка.

Иной раз псевдоним представляет не что иное как анаграмму, т. е. настоящее имя автора, но только все буквы поставлены в обратном порядке. Таким образом во Франции, в 1748 году, вышло сочинение за подписью Теллиамеда (TelKamed), сделавшееся впоследствии знаменитым. В этом сочинении Бенуа де-Маэль (de Maillet) первый излагает

очень новые и нередко весьма справедливые мысли об истории земного шара; мысли эти были оспариваемы Вольтером, но одобрены Бюффеном, а впоследствии и великим геологом и натуралистом Кювье. Иногда также псевдоним представляет анаграмму другого псевдонима. Таким образом Паскаль, скрывшийся под именем Луи де Монтальта (Louis de Montalte), при издании своих «Писем к провинциалу», впоследствии цитировал сам себя в «Мыслях» под именем Соломона де Тульти (Solomon de Tultie), представляющем только анаграмму предыдущего псевдонима. Издатели долго доискивались, кто мог быть такой таинственный теолог Соломон де Тульти, и лишь при втором издании «Мыслей», в 1866 году, Эрнест Гавэ мог подтвердить разрешение этой загадки.

Один из многочисленных врагов Вольтера, Сент-Гиацинт, издал (в 1714 г.) под именем доктора Златоуста Матаназиуса, в двух маленьких томах, сочинение под заглавием «Образцовое произведение Незнакомца». Комментируя слово за словом целую песню в сорок стихов, автор хотел осмеять злоупотребление комментариями, – злоупотребление, слишком частое у учёных всех веков; к своим примечаниям он присоединяет целые рассуждения в напыщенной форме, в свою очередь представляющие пародию на отступления (excursus), обычные у издателей и истолкователей древних авторов. Около того же времени была издана, за подписью Иоанна Бурхарда Менкена, забавная книжечка на латинском языке под заглавием:

De Charlataneria eruditorum (О шарлатанстве учёного). И действительно, шарлатанство учёных не раз заслуживало едких нападок сатиры. Уже в древности известны педанты, предававшиеся лёгкому удовольствию распространения в публике исторических книг, совершенно испещрённых ссылками на авторов и на сочинения, никогда не существовавших. Две книжечки подобного рода носят имя знаменитого Плутарха, который, разумеется, никогда не был их автором.

Другие европейские литературы также изобилуют апокрифами и псевдонимами, приведём несколько примеров этого.

Во второй половине минувшего столетия Англия представила несколько примеров литературных подделок, получивших известность благодаря обнаруженному их авторами таланту и достигнутому ими большому успеху. Первая подделка принадлежит Горацию Вальполлю, выдавшему за перевод итальянского автора XIV столетия сочиненный им самим роман под названием «Отрантский Замок». Другой пример – поэтические произведения Оссиана, барда шотландских героических легенд, мнимым переводчиком которых был Мак-Ферсон и подлинников которых никогда не могло быть. Третий пример – поэмы, написанные языком XV столетия Томасом Чаттертоном, едва достигшим восемнадцатилетнего возраста. Сочинение их он приписывал какому-то средневековому монаху. Туда же следует отнести попытку С. Айрленда, сфабриковавшего мнимые автографы Шекспира и одно время даже успевшего выдать трагедию своего изготовления за недавно открытое произведение великого поэта. Наконец, в 1796 году появились «Письма Фальстафа», которые издатель или, скорее, сочинитель, Джемс Уайт, посвятил Дж. Джаланду. На этот раз автор не предполагал обмануть публику, но желал показать, что он имеет значительную долю ума и юмора поэта, создавшего тип Фальстафа. «Политические письма» Юниуса, печатавшиеся с 1769 по 1772 год в журнале Public Advertiser, может быть, представляют собой наиболее замечательное из этих псевдонимных произведений, так как их поочередно приписывали восьми или десяти писателям, и, несмотря на произведенный ими шум, их настоящий автор до сих ещё пор остаётся неизвестным.

В начале текущего столетия знаменитый Вальтер Скотт дебютировал, без своей именной подписи, романом «Уэверли», имевшим такой успех, что, продолжая издавать свои романы, он обозначал себя только словами: автор «Уэверли».

Но «великий незнакомец», как его называли тогда, был скоро открыт, и его имя не миновало столь заслуженной им славы.

Наше время не менее богато анонимными и псевдонимными произведениями. Библиографам достается очень много работы со всеми этими переодеваниями; мы ещё не говорили о книгах, подписанных просто начальными буквами имени и фамилии, по которым не всегда бывает легко восстановить полное имя авторов.

Французский словарь анонимов и псевдонимов учёного библиотекаря Барбье, для одной только Франции состоит из четырёх толстых томов, которые в скором времени пришлось дополнить ещё пятым, что не помешало приступить ко второму изданию, более полному, чем первое.

Глава IV. Распространение торговли книгами

Распространение книгопечатания вне пределов родной его земли. – Распространение книг в английской Индии. – Введение книгопечатания в Константинополе. – Книжная торговля в Гондаре, в Абиссинии. – Умственная деятельность и общественные школы в Австралии. – Новейшие успехи книгопечатания.

До сих пор мы следили преимущественно во Франции за успехами чудного искусства, изобретённого Гутенбергом и его товарищами. Чрезвычайно интересно распространить такое изучение и на другие страны. Некоторые города весьма тщательно сохранили время напечатания в них первой книги. Ещё недавно Лондон праздновал годовщину основания его первой типографии. 24 марта 1878 года газета *Journal de Geneve* сообщала о четырёхсотлетию первой книги, вышедшей из-под женеvских печатных станков. Если бы мы могли остановиться на этом, то настоящая глава нашей истории должна бы была содержать в себе много любопытных эпизодов: в одном месте проявляется противодействие рутины; в другом, напротив, почти восторженная поспешность воспользоваться новым орудием для услуг мысли, представленным печатным станком. В середине XVI столетия миссионеры-проповедники евангелия занесли книгопечатание в Индию, где оно ныне, при английском владычестве, развилось до громадных размеров, даже среди мусульман и индусов.

Разумеется, нелегкое было дело привить привычки нашей цивилизации на этом громадном полуострове, на котором англичане считают более двухсот миллионов подданных не христиан, и всё-таки это дело прогресса осуществилось на наших глазах с изумительной быстротой. Мусульмане, равно как и туземцы, с каждым днём проникаются большей любовью к распространению просвещения в том виде, как понимаем его мы, в Европе: они заводят и содержат школы, даже женские школы; они имеют политические и литературные газеты; типография распространяет среди них переводы наших книг и даже некоторых классиков древности.

Некоторые страны в Европе узнали книгопечатание не раньше Индии: в России первая книга была напечатана в 1563 году⁷. Но вот ещё более поразительный контраст! На той самой почве, где прежде процветала эллинская цивилизация, мусульмане долго противостояли примеру своих соседей. Кто бы мог поверить, если бы на это не имелось неоспоримых доказательств, что книгопечатание было введено в Константинополе только в 1727 году? До начала текущего столетия оно оставалось чрезвычайно стеснённым в своих применениях, ревнивый глаз турок смотрел подозрительно на него даже у их греческих подданных, обнаруживавших между тем живейшее желание учиться.

---

⁷ Первая типография на Руси была основана в Москве в 1553 году, после стоглавого Собора. Первыми мастерами типографского дела были у нас Иван Фёдоров и Пётр Тимофеев, которые и напечатали первую книгу – «Апостол» – в 1564 году.

Не столь удивительно, что книгопечатание до сих пор ещё не введено даже в христианской стране, какова, например, Абиссиния. Но и там существует известная культура. Имеются школы и книжные лавки, но что это за лавки в сравнении с нашими! Один путешественник, заслуживающий полного доверия, почти что в следующих выражениях описывает магазин главного книгопродавца в Гондаре: задняя комната освещена только светом из двери в другую комнату, выходящую на улицу; в этой задней комнате, на каждой стене прикреплены своими основаниями коровьи рога; к каждому рогу на ленте привешена коробка, в которой лежит одна, две, или, самое большее, три рукописи; число всех этих предлагаемых на продажу книг не достигает и сотни. А между тем мы находимся очень близко от великих центров цивилизации народов, окружающих бассейн Средиземного моря. Надо сказать в оправдание абиссинских книгопродавцев, что литература, которой они служат, бедна и мало оригинальна. Сколько известно, она не превосходит даже 300 томов.

На Западе открытие Америки очень рано открыло европейским типографам место для сбыта своих работ; число тамошних потребителей быстро возросло, и скоро европейские типографы нашли себе соперников, особенно в английских колониях Северной Америки, сделавшихся могущественной республикой Соединённых Штатов; но там ещё не установилась подавляющая деятельность английского гения. Берега Австралии, где пятьдесят лет назад существовали только исправительные колонии для преступников, сделались оседлостью свободного населения, столько же могущественного, сколько и многочисленного, среди которого процветают сотни школ, университеты и всякого рода журналы. Даже классические народы представляются там эллинистами и латинистами, учениками и уже соперниками европейских учителей.

Глава V. Новые успехи книгопечатания и книжной торговли

Замечания об орудиях письма. – Металлическое перо. – Новейшая каллиграфия. – Тироновские знаки и стенография. – Стенография в Англии. – Читаем ли мы речи греческих и римских ораторов в том виде, в каком они были произнесены? – Милоновская речь Цицерона. – Электрический телеграф и телеграфический язык. – Новые потребности книгопечатания. – Преимущества и неудобства механического приготовления бумаги. – Сетования библиофилов.

Можно сказать, что в течение одного столетия орудия ума человеческого, если можно так выразиться, преобразились на всех ступенях и во всех направлениях.

В начале средних веков гусиное перо, а, может быть, и вороново перо заменили *calamus* или тростниковую палку древних писцов. В XVII столетии мы уже находим упоминание, у монахинь Порт-Рояля, об употреблении металлических перьев. Это изобретение, подобно многим другим, как будто заснувшим тотчас же, не произведя надлежащего действия, развилось только в наши дни, и вы все знаете, до какого разнообразия форм. Металлическое перо, может быть, и не улучшило письмо, почерк, но, наверное, оно сберегает время у всех пишущих, потому что они получают его из рук фабриканта совсем расщеплённым и очинённым. Впрочем, нельзя не признать, что письмо много утратило своего значения со времени изобретения книгопечатания. Некоторые дела, в общественных или частных учреждениях, требуют ещё руки искусных каллиграфов; таким образом, текст мирного договора, текст закона и многие другие подлинные документы, само собой разумеется, должны быть написаны чётким и даже приятным для глаза почерком. В одном греческом циркуляре, на папирусе времён Птолемея, рекомендуется чиновникам птолемеявской канцелярии «писать четко», и такой совет иногда даётся ещё и ныне в наших министерствах. Министерство иностранных дел в особенности нуждается в опытных каллиграфах. При своих сношениях между собой,

канцелярии обязаны оказывать друг другу такую любезность и отвечать только бумагами, написанными тщательным почерком; текст международных договоров, само собой разумеется, осуждённый на хранение в архивах, обыкновенно исполняется с истинной роскошью; это некоторым образом последнее убежище великой каллиграфии. В обыденной жизни, и в особенности для дружеской или коммерческой переписки хороший почерк – дело также не безразличное. Но всякая рукопись, текст которой поступит в обращение между публикой только в виде печатного произведения, не нуждается уже в каллиграфическом переписывании её автором или переписчиком.

Равным образом сбережение времени и труда обеспечено нам стенографией или способом сокращённого письма. В этом ещё видно странное неравенство народов. Тироновские знаки, настоящая стенография, о происхождении которой было уже сказано выше, постоянно употреблялись в средневековых канцеляриях. После возрождения наук и литературы они были почти забыты. Затем мы видим их снова появившимися в Англии, в начале XVII столетия. Укажем один достопамятный пример их употребления: стенограф записал речь, произнесённую на самом эшафоте несчастным королём Карлом I, перед плахой, на которую он должен был положить свою голову. С того времени англичане не переставали пользоваться стенографическим письмом для записывания речей, произносимых их ораторами в собраниях. А теперь стенографы вообще играют важную роль у всех свободных наций. Раз один путешественник, войдя в залу палаты общин в Англии, выразил удивление, что видит только депутатов и никаких мест для посторонних слушателей; депутат, которому он высказал это удивление, указал ему в ложе стенографов, занимавшихся записыванием всего, что говорилось в собрании. «Завтра, – прибавил он, – благодаря этим людям Англия узнает все, что мы говорили, все, что мы сделали для ее интересов и для ее чести». Имея своим назначением воспроизводить слово во всех случаях, когда оно произносится публично, стенография сохраняет для истории массу драгоценных документов, которые иначе погибли бы для неё. Подхваченная на лету ораторская импровизация, со всеми её красотами и почти неизбежными погрешностями против языка, воспроизводится в ежедневных газетах, откуда она, более или менее исправленная, переходит в собрания речей, издаваемые ораторами. Историк находит там важные материалы. Литературная критика с интересом следит за работой ума великого оратора; она любит следить за усилиями, которые делает мысль, чтобы вылиться речью.

В этом отношении нет ничего интереснее, как сравнить напечатанный таким образом по стенографическому отчёту текст с переделками и поправками, сделанными оратором в своих речах, если он желает сохранить текст их для потомства. Такого сравнения мы не можем сделать относительно древних ораторов. Когда Демосфен говорил с кафедры, ни один писец не записывал его слов, и потому он является пред нами ныне лишь со всей отчётливостью слога, исправленного на досуге, долгое время спустя после совещаний, на котором блистал его ораторский талант. В Риме, может быть, один только раз (это было в сенате, во время знаменитых прений о Катилине и его соучастниках) были приглашены стенографы для записывания речей Катона, Цезаря, Цицерона. Двух первых Саллюстий сохранил для нас. Без сомнения, очень красивый разбор, но слишком короткий и слишком точный, чтобы он мог казаться нам верным; что же касается до катилинарий Цицерона, то хотя они и дышат жаром его благородного патриотизма, но мы очень ясно чувствуем, что он переделал их в тиши кабинета со вниманием и знанием опытного писателя.

Один весьма хорошо известный анекдот лучше всего показывает нам разность импровизации и сочинения, просмотренного на досуге. Когда Цицерон защищал своего друга Милона, обвинявшегося в убийстве Клодия, он был несколько взволнован воинственной обстановкой, царившей в тот день в суде, и на его речи, как известно, сильно отозвалось его волнение; но в дошедшей до нас речи за Милона нет и следа этих погрешностей. Рассказа-

зывают также, что Милон, осуждённый вопреки усилиям своего защитника, по получении в ссылке экземпляра речи, исправленной Цицероном после заседания суда, написал ему с дружеской иронией: «Если бы ты защищал меня так хорошо на суде, то не едать бы мне сейчас таких хороших устриц». Импровизация Цицерона была записана стенографами, и она находилась ещё в руках Аскания, комментировавшего речи этого оратора в середине первого века христианской эры.

Стенография напоминает нам о другом способе, имеющем некоторое отношение к книгопечатанию: мы разумеем телеграф и главным образом электрический телеграф, единственный употребляющийся ныне.

Электрический телеграф в случае надобности может передавать целые страницы письма, но такого рода передача обходится очень дорого: надо рассчитывать слова, так как каждое лишнее слово увеличивает стоимость телеграммы. Поэтому всякий пишущий телеграмму старается сжать её в несколько слов, безусловно необходимых для выражения его мысли. Таким образом составилось что-то похожее на краткую грамматику для подобного рода письменных сношений; телеграфный слог не всегда отличается ясностью не только вследствие своей чрезмерной краткости, но и потому, что он всего чаще обходится совсем без знаков препинания; а между тем знаки препинания всегда были и остаются необходимыми для ясности письменного языка. Вот и ещё успех в промышленности, не особенно благоприятно влиявшей на выражение наших мыслей.

Приготовление бумаги также подверглось значительным переменам. Раз приняв за основу приготовления бумаги жидкое тесто, пришлось думать о применении различных веществ для приготовлений этого теста. В 1765 году в библиографиях говорится об одной странной в этом отношении книге, изданной в Регенсбурге типографом Шеффером; каждый лист был напечатан на бумаге различного вещества: из хлопка, мха, различных пород дерева, виноградных ветвей, соломы, тростника, капустных кочерыжек и т. д., и т. д. Современная промышленность сделала выбор в этой роскоши разнообразий. Для получения бумажной массы, или теста она употребляет несколько растительных веществ, смешанных в различных пропорциях; но она продолжает всё-таки оказывать предпочтение тряпке, позволяющей получать самый лучший и самый прочный предмет. Впрочем, чрезвычайно большой спрос и лёгкость, с которой возобновляются книги по мере того, как изнашиваются, делают потребителей менее требовательными относительно прочности бумаги. Во времена Альдов Мануциев и Этьеннов издания выходили в небольшом числе экземпляров, вот почему многие книги того времени составляют теперь чрезвычайную редкость. Ныне же издания достигают цифр, которые испугали бы наших предков; это сделалось возможным благодаря новейшим усовершенствованиям типографии.

Эти усовершенствования двоякого рода: одни – в приготовлении и употреблении букв, другие в механизме печатных станков.

Но истинные любители не совсем довольны всеми этими успехами, наносящими некоторый ущерб изяществу книг; не только основное вещество бумаги не так хорошо, как прежде, но оно ещё изменилось вследствие примеси минеральных веществ, делающих бумагу менее долговечной. Некоторые книги времени Альдов и Этьеннов спустя четыре столетия сохранили всю свою свежесть, между тем как ныне в книгах, не существующих ещё и пятидесяти лет, бумага покрывается пятнами, разлагается и рвется без малейшего усилия. Чтобы достать бумагу, столько же прочную, сколько и красивую для какого-либо особенно изящного издания, приходится поневоле платить за неё очень дорого, и фабриканты, постоянно побуждаемые лихорадочной конкуренцией понижать цены на свои фабрикаты, снабжают типографов лишь в исключительных случаях бумагой, могущей соперничать с бумагой, которую производили их прежние собратья.

Глава VI. Последние успехи книгопечатания и книжной торговли

Стереотипия Эрана. – Клише. – Применение пара в книгопечатании. – Медленность некоторых наций, как, например, китайцев и японцев, в деле усвоения этих нововведений. – Противоположные примеры. – Успехи книгопечатания в Индии. – Ежемесячные и еженедельные современные издания во французской национальной библиотеке. – Распространение сношений между народами посредством телеграфа. – Печать в Гонконге. – Возрастающее влияние повременных изданий. – Новые затруднения для библиографов и библиотекарей.

В конце XVIII столетия французу Эрану пришла в голову мысль употребить для набора шрифты вогнутые вместо выпуклых; положив на набранную таким образом страницу металлическую пластинку и подвергнув её сильному давлению, получают рельефной, и притом в одном куске, целую страницу, которая, будучи положена под печатный станок, может служить для печати бесчисленного множества оттисков. Как мы видим, такой приём представляет некоторым образом возвращение назад к табличному или ксилографическому книгопечатанию XV столетия. Этим способом, на который изобретатель взял привилегию, было напечатано много книг.

Некоторое время спустя французский типограф Дидо воспользовался для этого обыкновенными, выпуклыми, вылитыми из очень твердого вещества буквами, с которых он делал вогнутый отпечаток на сплаве, медленно охлажденном и остававшемся тягучим до своего совершенного охлаждения; сделавшись твердой, эта металлическая пластинка служила матрицей, в которую и вливали расплавленный металл; по охлаждении последнего получалась, в выпуклом виде, целая страница, первоначально набранная подвижными буквами. Ныне пластинку мягкого металла заменили сначала мелко измельченным гипсом, а потом картонной массой или тестом. Полученная таким путём страница называется клише, с которого можно получать на машине сорок или даже пятьдесят тысяч оттисков без всякого чувствительного повреждения его, за исключением разве истирания или случайной поломки.

Вы, само собой разумеется, поймёте, что отлитые в клише страницы, имея в толщину не более нескольких миллиметров, занимают сравнительно мало места в кладовых. От этого происходит двойная выгода: подвижные буквы, служившие для первого набора, сделались свободными и могут быть употреблены для набора какого-либо другого произведения, а клише могут ждать, без излишнего бремени для типографа, той минуты, когда разойдётся первое издание и потребуются выпустить второе. Поэтому книги, могущие рассчитывать на большое распространение, гораздо выгоднее печатать с клише, чем с набора из подвижных букв.

В свою очередь, и самый печатный станок участвует в благодеяниях, которые оказывает механика, в приложении к промышленности, почти всем отраслям наших ручных искусств. Руку человека заменила сила пара, а благодаря удобному способу отливания клише, который в течение нескольких часов может удвоить, утроить и учетверить набор, сделанный из подвижных букв, паровая печатная машина совершает такое чудо, что в течение одной ночи печатает по пятьдесят, сто и даже по полторы тысячи экземпляров ежедневной газеты.

Вы сами догадываетесь, что для типографии, работающей с такой изумительной быстротой, нужна и такая бумажная фабрика, которая работала бы с не меньшей быстротой; и действительно, вот некоторые цифры, показывающие, что бумажная фабрика, приводимая в движение или водой (гидравлический двигатель), или паром достигает также чрезвычай-

ной производительности. Бумажная фабрика Сореля, во Франции, одна производит средним числом от семи до восьми тысяч километров бумаги в день, или два миллиона шестьсот тысяч километров (или 8 202 250 000 русских футов) в год. Машины дают там в минуту по двадцать метров бумаги, или двадцать восемь тысяч восемьсот метров в сутки (или девяносто четыре тысячи четыреста девяносто русских футов в сутки). А земля под нашей широтой имеет шесть тысяч триста семьдесят миль в окружности, или двадцать пять тысяч четыреста восемьдесят километров; следовательно, с тремя машинами такой силы можно меньше чем в десять месяцев окружить земной шар сплошной бумажной лентой, имеющей полтора метра в ширину. И это ещё не слишком много для удовлетворения всех потребностей типографии, в особенности же для удовлетворения потребностей ежедневных газет. Уже французские газеты, в особенности «Официальная Газета» к концу каждого года представляют громадную массу печатной бумаги. Но в Англии и Америке некоторые газеты, как, например, Times, Daily Telegraph, New York Herald и другие рассылают ежедневно своим подписчикам средним числом по целой книжке в восьмую долю листа⁸. Для каждой из этих газет нужны сотни рабочих. Помимо даже ежедневных газет, некоторые типографии на западе Европы и в Америке успевают ежедневно печатать по несколько сот томов. Типография Дидо, в Париже, в 1846 году печатала от двух до двух с половиной тысяч томов; эта цифра тридцать лет спустя дошла почти до пяти тысяч томов в каждые двадцать четыре часа работы. Правительственная, или национальная типография в Париже, исполняющая массу заказов от всех французских административных общественных учреждений, не считая заказов частных лиц, работает постоянно на семидесяти пяти ручных печатных станках и на тридцати пяти паровых; средним числом она производит около десяти тысяч томов в каждый рабочий день.

Некоторые из этих произведений печати, не будучи ежедневными газетами, требуют тем не менее чрезвычайной быстроты исполнений. Но что ещё больше делает чести этим прекрасным заведениям, как общественным, так и частным, так это возможность печатать с редким совершенством артистические и научные книги, требующие или чрезвычайного богатства типографских шрифтов, или сочетания типографии с другими родственными ей искусствами, как то: литографией, фотографией и обусловливаемыми двумя последними изобретениями приёмами, с каждым днём делающимися более остроумными и более удачными.

Французская национальная типография имеет ныне пуансоны и матрицы букв 138 иностранных азбук и 153 коллекции шрифтов одной французской азбуки.

Следовательно, она может печатать книги более чем на ста языках, шрифтами, употребляемыми каждой нацией. Немного типографий (указывают на типографию в Лейдене⁹) могут соперничать с нею в этом отношении.

Из-под станков парижской типографии появилось на свет много образцовых произведений, и между прочим знаменитая восточная коллекция, содержащая несколько индийских или персидских произведений с французскими переводами, — коллекция, лучше которой по изяществу не существует на свете. Всемирные выставки в Париже (1855-1867-1878 гг.), в

---

⁸ Например, издающаяся в Североамериканских Соединённых штатах газета «New York Herald» выпустила один из воскресных номеров, в сентябре 1881 года, в целых 28 страниц, или 168 столбцов большого формата.

⁹ У нас, в Петербурге, также есть замечательная в этом отношении типография: это типография Императорской Академии наук, основанная в 1727 году. Типография эта ещё в прошлом столетии считалась первой во всей России типографией, так как, по выражению одного современника (Рубан) «она была тщанием академии весьма распространена и литеры всех языков умножена». Первенство это остается за ней и доньше, о чём свидетельствует представленный ей на российскую мануфактурную выставку в Петербурге, в 1870 году, великолепный образец шрифтов и типографской работы, между прочим в виде Молитвы Господней, напечатанной на 325 языках. В Петербурге первая типография была открыта в 1711 году, с одним станком, и помещалась в одной из комнат в домике Петра Великого. В семидесятых годах прошлого столетия в Петербурге было уже до двадцати типографий, но из них частных была всего лишь одна: Гартуна, основанная в 1769 году «по привилегии правительствующего сената», как говорит современник «для печатания иностранных и российских книг».

Лондоне (1862 г.), в Вене (1873 г.), в Филадельфии (1876 г.) представили нам зрелище всего, что могли произвести наиболее совершенной типографии великих цивилизованных народов; несомненно, типографское дело представляет одну из самых благородных промышленностей, в которой выразилось могущество человеческого гения. Один или, скорее, два народа, – китайцы и японцы, – несмотря на свои счастливые способности, как будто не освоились ещё с успехами, достигнутыми европейской промышленностью, на европейской ли почве, или в Индии и в Америке. Письменность у этих двух народов, как мы уже сказали выше, в первой главе, делает чрезвычайно трудным употребление всякого другого типографского способа, кроме способа табличного; какая бы тонкость и какая бы быстрота ни была там присуща руке рабочего, но типография с одной только этой помощью не может производить книги так быстро, как при содействии многочисленных машин нашей типографии. Ум китайский, впрочем, не имеет всех тех потребностей любознательности, которым удовлетворяют наши типографии и наши книгопродавцы. На всём пространстве империи печатают, правда, много книг, и этого рода торговля пользуется там безусловной свободой, но ежедневных газет издаётся там всего четыре, включая в то число и пекинскую «Официальную Газету». Как в Китае, так и в Японии, услуги типографии далеко не так многосложны, как в Европе и в Америке. Писатель (следовало бы сказать «художник», потому что он работает кистью) пишет страницу; последняя, положенная на деревянную доску, тщательно выструганную другим артистом, получает типографские чернила и переходит на очень простую машину, которой управляет один рабочий. Бумага получает обыкновенно оттиск только с одной стороны: она слишком тонка, чтобы можно было печатать на ней с обеих сторон. Тем не менее написанное читается по страницам, имеющим лицевую и оборотную сторону; возьмём, для примера, первую и вторую страницы: они печатаются одна подле другой, затем бумага сгибается, представляя для разреза промежутки в две страницы. В таком же порядке следуют третья и четвёртая, пятая и шестая страницы, и т. д. Таким образом, книга состоит из целого ряда двойных листов, которые могут принадлежать одной и той же бумажной ленте, удлиняемой в случае надобности до бесконечности. Вследствие этого китайская книга имеет вид ширм. Нельзя, однако же, не признать, что в Китае и Японии эти столь простые и столь элементарные приёмы достигают на практике изумительной степени изящества и красоты. Подобно нашим европейским книгам, иные китайские и японские книги бывают украшены рисунками, не увеличивающими чувствительно расходы по изданию. Ручной труд в этих странах с чрезвычайно густым населением так дешёв, что книжная торговля может поставлять для всех классов общества книги по столь же низкой цене, а, может быть, даже, ещё и по более низкой цене, чем у нас.

Впрочем, оба народа, о которых мы говорим, начинают более и более проникаться сознанием выгод, представляемых азбучными письменностью и книгопечатанием, и они делали уже не одну попытку для усвоения их. Но наше книгопечатание гораздо скорее акклиматизируется в странах, где письменность не представляла для него таких препятствий. В Индостане имеется множество типографий как для европейцев, так и мусульман и индусов. Там издаются сотни газет.

Во Франции, в Англии, в Германии, в Соединённых Североамериканских Штатах ежедневные газеты приходится считать тысячами. В одном Париже выходит более тридцати ежедневных или еженедельных изданий по медицине и хирургии. Кроме «Журнала книжной торговли», там можно читать ещё четыре сборника, посвящённых типографским работам. Число периодических ежемесячных, еженедельных, ежедневных и других изданий, регулярно получаемых парижской национальной библиотекой, простирается по меньшей мере до 3 000. Лёгкость перевозки посредством парового двигателя пробудила в умах чрезвычайно оживлённый спрос на ежедневные новости, и печать удваивает усилия для удовлетворения этого спроса.

Телеграф ещё более увеличил эти, уже и без того изумительные, средства сообщения. Сначала, в продолжение более полувека, – воздушный, затем в течение уже целых двадцати пяти лет – электрический, он даёт возможность различным новостям обойти в несколько часов вокруг земного шара. Десять лет назад в Лондон приехал директор турецких телеграфов; директор такого же управления в Англии сделал ему любезность и обратился по телеграфу с вопросом к английским властям в Калькутте; ответ не заставил себя ждать. На обе операции потребовалось всего девять часов. Таким образом, ныне историю можно писать, так сказать, из часа в час, под диктовку самых событий. Ежедневные газеты, получая сведения обо всём, происходящем во всех четырёх концах мира, посредством телеграмм, писем своих корреспондентов, стенографического воспроизведения прений всех судов, всех собраний, иногда лекций, читаемых в университетах, собирают и накапливают таким образом для историков по профессии материалы, самое обилие и разнообразие которых становится для них истинным бременем.

Подивитесь на примере, взятом случайно из тысячи, этому развитию цивилизации, международных сношений и исторических сведений в странах наиболее далёких от нашей старой Европы. Не прошло ещё и ста лет с тех пор, как католические или протестантские миссионеры стали посещать Гавайский архипелаг, на котором в 1779 году погиб знаменитый капитан Кук, а между тем ныне он уже представляет маленькое королевство с парламентским правлением, с избираемыми палатами, ответственными министрами и т. д. В столице этого маленького королевства, Гонолулу, городе с 6 000 жителей, выходит восемь периодических изданий; европейские газеты регулярно получают оттуда известия о выборах, о министерских переменах, цифровые данные о ежегодном бюджете, статистические сведения о школах. Это, если вам угодно, Англия в миниатюре, которая скоро займёт своё место в концерте других цивилизованных народов; очень скоро она будет иметь, если уже не имеет, своих историков, и вы увидите, что для этих историков ежедневно накапливаются многочисленные и разнообразные документы.

А вот ещё другое, не менее любопытное явление: не только новейшее книгопечатание сделалось наиболее деятельным орудием человеческой мысли, но оно создало функции, учёные и литературные профессии, о которых древность не могла иметь даже и понятия. Редактор римской «Официальной Газеты» был не более как писец, состоявший на службе в канцелярии республики, а потом у римских императоров. В течение более чем двух веков французские журналисты были просто более или менее остроумными редакторами анекдотов и пустых рассказов. Первые зачатки периодической печати появляются только в начале XVII столетия, т. е. через полтора столетия после изобретения книгопечатания, хотя нельзя сомневаться, что некоторое подобие рукописных газет существовало почти во всех землях. Сенат венецианской республики приказал собирать факты, случившиеся в городе и государстве, краткие известия, которые он посылал своим дипломатическим агентам для сведения при переговорах по международным делам. Эти известия назывались *Foglietti* или *Fogli d'awisi*. После изобретения книгопечатания вошло в обычай печатать на отдельных листках и продавать по низкой цене сведения обо всех замечательных событиях. Первая же газета в настоящем смысле слова появилась в Антверпене, в Голландии, где типограф Абраам Вергунен получил в 1605 году привилегию от эрцгерцогов Альберта и Изабеллы, «печатать и вырезать на дереве или металле и продавать во всех подвластных им землях все новые известия, победы, осады и взятия городов названными владетельными особами». Эта газета называлась *Nieuwe Tydinghen*. В 1621 году она уже выходила за номерами по порядку, до трех раз в неделю. Первоначально в Голландии и в Англии журналист мало-помалу приобрёл более серьёзное и более независимое положение. Французская революция 1789 года, предоставив полную свободу его перу, превратила его в деятеля, во всех драмах общественной жизни. Ныне, хотя и при свободе, более ограниченной мудростью законов, роль журналиста

не перестаёт расти. Редактор ежедневной политической газеты в Западной Европе представляет собою оратора, ежедневно говорящего своим пером с сотней тысяч слушателей; иногда он имеет большее значение, чем оратор, говорящий с кафедры, вследствие сильного впечатления, производимого им на общественное мнение. Если он одарён истинным талантом, то может рассчитывать на занятие самого высокого положения в литературе.

Толстые журналы, называемые на Западе Европы «Обозрения» – ещё один новый род изданий, сделавшийся возможным только благодаря книгопечатанию. Именно в этих обозрениях английские критики первого порядка создали особенный вид сочинений, называющийся у них опытами (Essays), откуда произошло и само название эссеистов для лиц, посвящающих себя этого рода литературе. Эти периодические сборники вербуют многих талантливых людей в число своих сотрудников, и иной из этих людей никогда не обращался к какой-либо другой публике, помимо читателей «Обозрения». В пределах статьи в 40–50 или самое большее в 100 страниц, можно поговорить ещё с большим толком о многих предметах. Можно написать в этой форме целый ряд статей, которые впоследствии превратятся в различные главы особой книги, почти без всяких перемен.

В начале своих «Характеров» французский писатель Ла-Брюйэр сказал: «До настоящего времени почти не видано было образцового произведения ума, которое было бы трудом нескольких лиц: Гомер создал „Илиаду“, „Вергилий Энеиду“, Тит Ливий свои „Декады“, и римский оратор свои речи». Писав эти строки, коварный автор, говорят, думал об одной литературной газете, первые номера которой только что вышли и, вероятно, послужили поводом к его заключению. И действительно, еженедельный или ежедневный сборник не может быть назван сам по себе образцовым произведением. Но при виде успеха иного обозрения или иной газеты нашего времени, Ла-Брюйэр благосклонно признал бы, что несколько больших и учёных умов в компании могут создать долговечные произведения, и что между различными сотрудниками периодического сборника иной раз существует известное единство таланта и мысли, делающее из их коллективного труда живой организм в том же смысле, как и произведение одного человека. Но это ещё не всё: кто знает, не было ли даже во времена Ла-Брюйэра такого романа, который было бы удобно дать публике в виде отдельно напечатанных глав, на столбцах ежедневной или еженедельной газеты, как это делается теперь в продолжение уже целых сорока лет? Совершенно справедливо, что некоторые из романистов пользуются этим ныне для того, чтобы привлекать и поддерживать любопытство публики. Поэтому их романы иной раз полны совершенно драматического интереса. Такой способ, правда, вводит авторов в искушение растягивать чрезмерно свои рассказы; но ведь и прежние романисты были многоречивы не менее романистов нашего времени, чему свидетельством служат длинные романы, увлекавшие салоны при Людовике XIV, а затем, в следующем веке, объёмистые рассказы Ричардсона.

Но стоит ли долго останавливаться на подобном предмете? Человеческая мысль, и в особенности воображение имеют потребность воспроизводиться на свободе во всех видах, в томах всевозможных размеров. Уже у древних было велико разнообразие книг. От «Илиады» и «Одиссеи» Гомера до книжонки, в которой какой-нибудь грамматик на целых двадцати страницах рассуждал о значении какого-либо одного слова «Илиады», от 127 книг, в которых Тит Ливий рассказал римские летописи, до тощего сокращения, в котором Флор резюмирует их на ста страницах, в какие различные формы не облекались поэзия и наука! Приходится отказаться от создания для произведений, столь не похожих одно на другое, формул и классификаций, под которые они не могут вполне подходить. Вечным мучением для наших библиотекарей будет служить невозможность строгой классификации для всех сокровищ, вверенных их надзору; с этим они должны поневоле примириться, так как нет никаких средств против этого зла.

Уж кстати будет сказать здесь ещё следующее. Всякая библиотека, достаточно обширная, в особенности библиотека публичная, не может обойтись без каталога, иногда даже без двух каталогов: одного в алфавитном порядке и другого по порядку отделов. Первый почти не представляет затруднений для редакторов, хотя иной раз и приходится останавливаться перед тем, какую часть заголовка книги следует поставить в алфавитном порядке. Составление каталога по порядку отделов, напротив, представляет массу трудностей. Хранители больших складов книг вкладывают в этот труд всё своё усердие и весь свой талант. Иные учёные книгопродавцы, когда им поручают продажу какой-нибудь значительной библиотеки, допускают известные подразделения, позволяющие любителям отыскивать без большого труда в их каталогах главу, в которую внесены интересующие их книги. Но сколько глав близко подходят одна к другой по своему содержанию, так что даже невозможно провести между ними точного разграничения. Иной теологический или философский труд есть в то же время и исторический труд; иной перевод, если к нему не приложен подлинный текст, с одинаковым правом может быть поставлен там и под именем оригинального автора; в иной книге одновременно находятся и грамматика, и словарь того же языка; куда отнести такую книгу: к грамматикам или к словарям? Существуют сборники мемуаров, смеси, в которых или один и тот же писатель, или несколько трактуют о совершенно различных предметах. Для этих последних сборников некоторые библиотеки имеют дополнительный каталог, указывающий том и страницу, на которой трактуется о каждом предмете. Мы даём лишь очень краткое понятие о труде, которого требует хороший каталог; но и этого понятия, кажется, будет достаточно для того, чтобы заставить вас оценить заслуги искусного человека, умеющего, при посредстве такого труда, поддерживать порядок в тысячах книг и доставлять трудолюбивым людям лёгкое средство заниматься там исследованиями. Каталог одних только книг, касающихся истории Франции, составлял в минувшем столетии пять томов в целый лист в «Исторической библиотеке Франции» отца Лелона. По приведении этого каталога в полный порядок, путём внесения в него новейших изданий, пришлось увеличить его до одиннадцати толстых томов. Из этого вы поймёте, сколько терпения и искусства должны обнаруживать учёные, посвящающие себя такому труду. Поэтому умейте питать справедливую признательность к людям, оказывающим вам столь полезные услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.